

Ольга Мушенок

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВАСИЛИНА
глаз мелиха

Ольга Мушенок Василина для шейха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69425779

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта история о русской девушке с наивными мечтами, которая не имела представления, насколько жестокий мир, пока не попала в самое пекло пустыни Арабских Эмиратов! В пекло, где далеки от цивилизации женщины. Где господствует патриархат, а таким девушкам, как она – нет почтения и жалости.***Меня подставили и теперь, мне придётся расплачиваться. Только вот... Цена оказалась выше чести!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	60
Глава 7	70
Глава 8	78
Глава 9	85
Глава 10	95
Глава 11	104
Глава 12	110
Глава 13	117
Глава 14	123
Глава 15	131
Глава 16	138
Глава 17	146
Глава 18	154
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Ольга Мушенок

Василина для шейха

Глава 1

Чем мне нравится жить под Москвой в посёлке городского типа? Здесь чище воздух, меньше машин, хотя ненамного, да и люди сердечней относятся к проблемам местных жителей. Каждый откликается на беду другого, иногда даже незнакомого ему человека.

Живу я с мамой и с отцом в маленьком домике за "мажоркой" так называют озеро, где в тёплое время суток собирается вся местная и приезжая элита. Туда меня мама и отправила рано утром, чтоб я отнесла завтрак тете Милене, она наша соседка, одинокая и скромная женщина. Ей бы мужа хорошего найти, а не перебиваться с копейки на копейку, чтоб оплатить кредиты, которые она по глупости своей взяла.

– Васька! Васька, стой! – я остановилась на тропинке к дому горничной.

– Привет, Вик, – утро перестаёт быть спокойным при виде подруги детства. Стоит передо мной, низкого роста "принцесса на горошине", – Откуда, ты, такая вся загорелая, неужто твой мажорчик тебя в солярий свозил? – подшучиваю над ней. Она ещё та.., если кто-то в её руки попал, то

глотку перегрызет, но не отдаст.

– Шутки это хорошо, значит в настроении моя подруга, – дернула меня за лямку топика, – Васька, я замуж выхожу! Замуж! – визжит от радости на всю округу, подпрыгивая выше моего роста.

– За кого? За Ваньку что ли?

Это местный решала, мама его так назвала, когда он Вику от пьяных олигархов спас. Парень он то ничего вот только из-за большой любви к Вики у него крышу так сносит, что уже имеет условный срок за разбой. Они не встречаются, но Ваня всегда заявляет всем, что она его, жаль парня, Вика его не то чтобы не любит, она его на дух не переносит. Мечтает о дворце, побрякушках и дорогой машине, поэтому простые парни её не интересуют. Хотя я надеялась, что за него выходит, пока не оглушила меня правдой.

– Ему тридцать два года, звать Александр! Своя вилла в центре Москвы, не женат в разводе и спиногрызов за спиной нет! Ой, чувствую Васька заживем мы с ним! – задумчиво смотрит куда-то вдаль.

– Вика, – я, конечно же, рада за неё, однако, он старше её на двенадцать лет и если бы они встречались больше месяца я бы об этом первая узнала. Я стала волноваться за неё, когда она сказала, что сегодня приедут его друзья для знакомства с ней, – мне уже не нравится этот твой новый бойфренд. Будь осторожней, а лучше порви с ним.

– Завидуешь? – усмехнулась, – Я хотела тебя пригласить

на вечер знакомств, теперь сомневаюсь, а надо ли, вдруг на моего Александра глаз положишь!

– Я не пойду с тобой. Да и у меня производственная практика в Москве, через пару дней снова уезжаю. Так что буду помогать маме с папой, сама знаешь им тяжело одним.

Вика сделала губки бантиком, немного потупила в одну точку, сказав:

– Ну да, подруга, прости не подумала.

– Ничего. И всё же будь осторожней сама же знаешь, какие сюда приезжают.

– Александр не такой, это любовь с первого взгляда, – она сорвала по пути ромашку и, как ребёнок стала гадать в любит не любит.

– А я не верю в любовь с первого взгляда, – Вика в своей манере стала надо мной подшучивать.

– А ну да, ты же у нас Ханжа, – засмеялась, достав с корзины яблоко, – смотри так и умрёшь в девках.

– Не смешно, просто не нашёлся мой человек, которому бы я отдала свою девственность, – забрала с её рук яблоко, ведь не любит она их, как обычно, надкусит и выбросить в кусты.

– Вась, да, ты о чём? Тебе двадцать лет! Двадцать! А, ты, даже целоваться не умеешь!

– И что? За то у меня сердце не в шрамах, как у тебя.

– Ладно, пойду я к своему, а то скучно с тобой, – высокомерно задрала нос свой курносый и пошла походкой от бед-

ра.

– Как бы там ни было, я тебе счастья желаю, – пожелала ей от всего сердца.

Зашевелились к утру отдыхающие, кто-то под контрастный душ под деревом, а более смелые нырнули сразу с пирса. Веселье у них только начинается. Запахло дымом костра, а также шашлыками, аж живот скрутило в узел, хоть я и не голодна. Ранее мы частенько с семьёй устраивали пикник по выходным. Было же время.

– Доброе утро, красавица, – обратился ко мне незнакомый парень в плавках, когда я поднималась по лестнице дома горничной, – во втором домике надо сменить полотенце на чистое.

– Ты не по адресу, я здесь не работаю, – ответила, – но твою просьбу передам.

– Извини, – его щеки порозовели, – он протянул мне руку в знак приветствия, – я Рома, мы вчера приехали на отдых.

– Василина, – ответила уходя.

Руку не стала жать, потому что на лбу у него написано "бабник".

– Тетя Милена, здравствуйте! Это я Василина, мама меня к вам послала завтрак отнести, – с порога начала, – Тетя Милена, вы здесь? – в ответ тишина. Не привычно стоял терпкий запах табака и алкоголя, что совсем не похоже на мамину подругу.

На столе стояла недопитая бутылка водки, одна рюмка и

засохшие кусочки хлеба на блюде. Она же спала в кресле и, конечно же, не трезвая, как я поняла после увиденного.

– Кто там? Что надо? – невнятно спрашивает, не открывая веки.

– Это я, Василина, пришла по просьбе мамы, – поставила на табуретку гостинец.

– А я сегодня держу траур по своему сыночку, – пробормотала она себе под нос, а следом достала из-за бюстгальтера фотографию, – Помнишь Демида? Вы с ним ещё играли всегда в нашем дворе, он тебя всегда за косички дергал, а ты его никак догнать не могла, – ее темные глаза наполнились слезами и она заплакала, уткнувшись лицом в фотографию сына.

По спине снизу вверх стала подниматься мелкая дрожь, ведь тот страшный день я не забыла и не забуду. Черный джип увёз на моих глазах друга детства, того с кем всегда дружила, играла во дворе и училась в одном классе. И, наверное, он был моей первой, детской любовью. Как мама говорит, тогда и меня могли вместе с ним похитить, и сдать на органы. Однако люди в масках меня почему-то сначала схватили затащив в машину, а потом отпустили, оставив меня на выезде из посёлка. Стояла на дороге я с потерянным лицом, с пустотой и страхом в душе, и всё что осталось у меня от Демида это браслет из белых бусин, который он сам сделал для меня, и успел подарить.

– Помню. – я сжала губы, хотелось тоже заплакать, – Тетя

Милена, а может он жив? Может живет где-то себе счастливо, – Я старалась поддержать её. Выходило у меня не очень.

– Нет, Вася, он бы вернулся ко мне, вернулся к маме. Просто не надо было мне связываться с эскортом и злить Башара! Я знаю, он убил его!! – взрывается на громкий плач.

– Эск, эск что? Эскорт? Вы, занимались эскортом? – опешив, спросила я. Мама рассказывала про бывшего тети Милены, что нерусский, страшный человек, однако в такие подробности меня не посвящали.

– Ты, уже взрослая поэтому, если тебе нужны легкие деньги, то иди лучше горничной, чем в эскорт, – продолжила она, – Это как могильная яма, из которой нет выхода.

Я прибывала в шоке, не успевала вникать в сказанное мне. Не улавливала сути, наверное в силу своего возраста. Когда она закончила говорить и уснула, я с тяжёлым грузом ещё долго приходила в себя, сидя на мешках с грязным бельём.

Я вынырнула из мыслей, когда в кармане зазвонил телефон. Я подняла телефон к уху, тихо сказав:

– Да, мам.

– Дочка! Доченька, беги скорей домой, наш папа с лошади упал!

– Как?

– На тренировках лошадь неожиданно встала на дыбы, а он не удержался.

Глава 2

Во дворе нашего недостроенного отцом каркасного дома стояла карета скорой помощи возле, которой собрались соседи с нашей улицы. При виде меня все стали подходить, оказывая моральную поддержку. Папа уважаемый человек в нашем селе, он работал на себя, а точнее всё делал для семьи. Строил дом маминой мечты. Работал инструктором по верховой езде, если тренироваться, то все шли к отцу. Этот дар перешел ему от отца. Семейное дело. У нас своя конюшня, лошадей покупаем за дорого, потому как Ахалтекинская порода считается лучшей скаковой в разных кланах. Наше село славится папиным ипподромом, куда приезжают не только на соревнования, но и на верховые прогулки на прекрасных созданиях. Поэтому бедностью мы никогда не страдали, но и богатыми назвать нельзя. Жили в удовольствия себе сытыми. Конечно же, неправильно считать, что не мечтали о большем. Папа всегда стремился к совершенству. По молодости, когда меня только планировали, он был звездой скачек, а после трещины в позвоночном столбе, мама поставила его перед выбором, так в нашей семье появился тренер в роли папы.

Не знаю, зачем он решился участвовать в соревнованиях после стольких лет? Что и кому хотел доказать? Я не спортсмен, однако догадываюсь лишь о том, что, наверное, ему тя-

жело было удержаться перед соблазном любимого дела. Возможно, все спортсмены такие охотники за адреналином и не знающим в этом деле толк, познать истинную сладость не смогут. Но и у этой медали две стороны: звания и плата!

На глазах треснули мечты, когда папу несли на кушетке. Они направлялись к машине, ко мне на встречу, а я почувствовала ноги ватным и, облокотилась спиной о холодное железо автомобиля.

– Серёжа! Сереженька, любимый мой, родной мой! Я с тобой, я рядом! – её отталкивали от него, а она снова цеплялась руками о железные поручни каталки.

– Папа, – тихо произнесла, провожая его глазами. В ушах зазвенело, в глазах всё стало более размытым, потому как боялась представить насколько в данный момент ему больно. Глаза закрыты, а лицо.. Папино лицо белое с синим оттенком на губах.

– Нет!! Папочка!!

Меня оглушила некая фраза врача о риске смерти по дороге.

И вот я уже сижу рядом с мамой в машине то плачу смотря на отца, то уткнувшись в плечо мамы, разделяю с ней нашу боль.

Он жив.

По дороге в больницу с громкими сиренами, я молилась за папу, чтоб только выкарабкался. Представляла, как борюсь с невидимым злом, которое то и дело, отключала пиликанье и

стирала зигзаги на экране аппарата, что держал с дрожащими руками врач.

Приехали в первую городскую больницу. Дальше холла нас с мамой не пустили, здесь карантин и ожидать врачей приходилось на первом этаже, сидя на лавочке.

Плач мамы стихал изменившись на всхлипы. Я поглядывала на настенные часы, считая секунды, мы сидим уже седьмой час обе, как на иголках. Вдруг послышался характерный звук спуска лифта, двери распахнулись и, оттуда вышел врач в маске:

– Присутствуют ли здесь родственники Сергея Барского?

Мы с мамой уже через секунду стояли возле врача. Он тяжелым взглядом на нас смотрел. Я предчувствовала, что ждать ничего хорошего не стоит, тем не менее верила в хорошее.

– Уважаемый, я Ольга супруга Сергея, а это наша дочь Василина. Ради Бога прошу вас не молчите. Скажите, как Серёжа?

– Присядьте, – он указал жестом на лавку и мы послушно присели. От нервов я не переставала скручивать больно пальцы на своих руках и жаться ближе к маме, – Мы сделали всё, что могли для его жизни. Должен жить, – задумчиво отвел глаза, а после выдал, – а будет ли ходить известно станет только после операции, которую к моему глубочайшему сожалению не делают в нашей стране.

– Я согласна, везите прямо сегодня за границу.

– Ольга, операция не бесплатная, – снимая с головы белый чепчик, он вытирает им мокрые следы пота на висках.

– Сколько? – спрашиваем в один голос.

– Вам надо собрать в кратчайшие сроки двести тысяч долларов и, чем скорее это произойдет, тем больше шансов успешной операции.

Легкие сдавило, я пытаюсь сделать вдох, но, лишь слышу сопровождающийся гортанный хрип. Рядом сидевшая мама, опустила лицо в ладони и громко заплакала. Это безысходность и безвыходность растаптывало нас морально. Где взять такие деньжищи в кратчайший срок? Это невозможно, даже если продать папину машину и торговать с утра до ночи фруктами и овощами. Дело всей жизни отца, я боюсь даже рассматривать, он не простит нам этого с мамой. Хотя если продать ипподромом вместе с конюшней и лошадьми, то денег будет достаточно на операцию, ещё и останутся копейки на лекарства.

Почему, всё это с нами произошло? Нет этого не могло с нами случиться, с кем-то другим может быть, но не с нами. Это сон! Сейчас мама меня разбудит и, когда я проснусь, то побегу к папе и крепко обниму его, попросив, даже не думать о скачках.

– Это визитка Израильской клиники, позвоните туда и спросите, какие документы вам необходимо собрать для операции. Когда найдёте сумму, то знаете, где меня найти. – врач ушёл.

Когда мама упала в отчаяние, потеряв надежду собрать нужную сумму, то я впервые в жизни повысила на неё голос.

– Я запрещаю тебе опускать руки! Мы найдём деньги, и папа будет ходить! И не смей больше ставить на нём крест!

Вызвав такси, мы вышли на улицу, где нас тут же застал летний дождь. Небо затянулось тёмными тучами, что медленно плыли. Где-то в дали сверкала молния и раскатисто гремел гром, словно там на небе идёт война.

По приезду домой, я взяла контактную книжку отца, став обзванивать всех, прося о любой помощи. Маме я тоже не позволяла впадать в уныние и отправила её с другом отца, дядей Валерой по знакомым из деревни. Мир же не без добрых людей, по копейки можно собрать нужную сумму. Хотя.. Кого я обманываю? Нет, вернее я успокаиваю себя и маму, отвлекаю родную от плохих думок.

Я переговорила со всеми, кто ответил на звонок и, так пришло время сделать подсчёт собравшей суммы. Проверив сообщения в телефоне обрадовалась, пусть даже пятистам тысячам рублей из пятнадцати миллионов. Да, иголка в стоге сена, но все же что-то есть. О нашей беде узнало всё село, самостоятельно открылся сбор денежных средств.

Откинулась на подушку с думками, а, что если взять нам с мамой кредит недостающей суммы?

Меня разбудил звонок в дверь. Открывая глаза уже на следующий день, поспешила к дверям. На пороге стоял человек, который никогда нам не нравился, особенно отцу.

– Привет, Ольга.

Мама кивнула и пригласила Можайского в дом.

– Проходи, Алексей.

Зачем он пришёл? Порадоваться нашей беде? Отец бы его тут же выгнал, однако у мамы видимо другие планы.

Можайский протянул ей какие-то документы и мама, не задумываясь, открыла ящик тумбочки, взяв в руки ручку и собралась поставить подпись.

– Что ты собираешься подписать? – я остановила маму, взяв из её рук бумаги.

– Дочка, у нас нет другого выхода. – пробубнила она, когда я поняла, что она собирается продать дело всей жизни нашего папы.

– Выход есть всегда, мама! – переключаю недовольный взгляд на Можайского, твёрдо заявляю, – До свидания! – толкаю ему в грудь бумаги.

Можайский с презрением на меня посмотрел и с каким-то злорадством ответил:

– Серега станет овощем, ипподром сгниет, а лошади сдохнут без должного внимания, – усмехнувшись, трёт переносицу и переключается на маму, у которой из глаз ручьём текли слезы, – Так вы, Ольга, уважаете труд супруга?

– Довольно, – повышая голос, выхватывает документы и быстро ставит свою подпись, а тот бросает нам в ноги маленькую сумку и не надо спрашивать, что там.

– Как и договаривались десять миллионов твои!

Мама медленно поднимает её с полу и вытаскивает оттуда пачки с пятитысячными купюрами. Она с сожалением поднимает на меня любимые до боли глаза, собираясь что-то сказать.

– Я тебе этого никогда не прощу мама, и навряд ли, тебя простит отец. Ты папиному врагу продала, то за что отец боролся всю жизнь!

Мне прилетела звонкая пощечина, я шагнула назад, прижав ладонью горящую щеку. Никогда до этого дня мама не поднимала на меня руку, в нашей любящей семье всегда царила гармония и понимание без слов. Сейчас же всё поменялось, за один день мама превратилась в физически и морально не здорового монстра. Я её люблю не меньше папы, но, тому, что она совершила не нахожу понимания.

– Доченька, прости, – она протянула ко мне руки, а я убежала в свою комнату и закрылась на щеколду.

Мне не хотелось причинять ей боль словами, желаю лишь поскорее видеть всех нас счастливыми, как двадцать четыре часа назад. Маме поздно переосмыслить свои действия, а я должна, хоть как-то уложить все происходящее в своей голове и уже с настоящим идти вперед. Услышав мужские крики с улицы, подошла к окну. Можайский на заднем дворе давал распоряжение водителям грузовиков подъехать ближе к конюшне, чтоб им было легче загонять лошадей. Дядя Валера сидел на пенке у моего окна и погрузился в безмолвную грусть, и его я таким до этого дня не видела. Поймала на

себе пристальный взгляд Можайского, подмигнул мне так, будто решил все проблемы и то ли ещё будет. Я закрыла окно шторами и сжала сильно кулаки. От этой скотины ждать ничего хорошего не стоит, он тот от кого одни беды.

Стук в дверь.

– Вася, это Вика.

Мне меньше всего кого-то хотелось видеть, тем не менее держать все в себе нельзя.

Она плакала вместе со мной, сидя на кровати.

– Всё наладится, вот увидишь. Завтра ты уедешь в Москву на практику и будешь ближе к отцу. Сама же знаешь в городе возможностей больше найти деньги, можно устроиться на подработку в ту фирму, где проходишь практику.

– Я так и собираюсь сделать, ведь деньги нужны как можно скорее, – отвечаю на Викину поддержку, – Вик, а ты не можешь у своего Александра попросить в долг для меня денег. Я обязательно верну.

– Уже маме твоей отдала двести тысяч и возвращать ничего не нужно. Так Саша передал.

– Спасибо.

Я весь день просидела в своей комнате, даже кушать не выходила. Собирала чемодан вещей на завтра, позвонила в больницу. От разговора с врачом поняла, что папины дела плохи и каждый день отдаляет его от успешной операции, и шанса не просто ходить, но и чувствовать ноги. Папа лежит парализованный, у него сломан поясничный отдел по-

звоночника. Мышцы человека очень быстро сохнут и атрофируются, особенно после таких тяжёлых травм. Папа уже не молод, он старше мамы на пятнадцать лет, поэтому время идёт против него.

Выйдя из комнаты на кухню, там сидела подруга мамы тетя Милена глядя маму по спине. Мама безудержно плакала, держа в руках деньги. Её глаза опухли от слёз и мне до колик в сердце хотелось помочь ей. Я присела рядом на стул и с любовью обняла маму.

– Доченька, я бы так никогда не поступила, – сбивчиво, заикаясь в истерике вопит.

– Знаю мамочка, знаю любимая, – целую её в висок.

Сейчас я единственный человек, без которого ей не справиться. Мама держалась за грудь так, будто сердце вырывалось из её груди.

– Нам в кредите отказали, – плачет она, – Видите ли, я официально нигде не трудоустроена.

– Ничего мамочка, я попробую завтра устроиться в фирму, где буду проходить практику. А если нет, то попробую с репетиторством иностранных языков.

– Полиглот ты наш, – шепчет, обнимая меня тетя Милена.

Рано утром, я вышла к машине отца, где дядя Валера с мамой помогли погрузить чемодан с вещами в багажник.

– Можешь теперь не беспокоиться за генератор, я его отремонтировал, масло только нужно подливать, а остальное в порядке, – предупредил дядя Валера, закрывая багажник.

– Хорошо, покупатели машины мне будут звонить или вам?

Да, мы вынуждены были выставить на продажу папин пикап.

– Я оставил свой номер, чтоб проинформировать покупателя обо всем.

Я кивнула.

Села в машину. Приоткрыла окно, где мама провожала меня взглядом.

Капал мелкий дождик, я включила дворники и тронулась с места, медленно выезжая из двора в открытые ворота.

Поставила машину на парковке общежития института. Меня встретила вахтерша и дала ключи от комнаты, где я поспешила бросить вещи, и переодеться в белую блузку и с небольшим вырезом юбку до колен. Послушный волос оставила распущенным, придав ему пенкой объёма. Нанесла макияж, не повседневный, но и ни яркий. Провела по верхней, а потом по нижней губе помадой, так-то лучше! Деловой стиль я создала, надеюсь я вызову доверия у директора фирмы.

Дождик полил, как из ведра, я оставила машину на парковке у супермаркета, напротив известного холдинга, где меня ждали по рекомендации куратора. На платную парковку у меня были деньги, но сейчас любая копейка дорога. Открыв зонтик, перешла дорогу и вошла в здание.

– Остановитесь, – тут же мне путь преградил охранник, –

Предоставьте пропуск.

– Здравствуйте. У меня нет пропуска.

– Тогда я не могу вас пропустить. – строго ответил он, указывая на выход.

– Меня ждет ваш директор, я практикант лингвист-переводчик. Вы можете ему сообщить о моем приходе?

Охранник задумчиво почесал затылок и взяв какой-то журнал в руки, спросил у меня:

– Ваша фамилия и имя?

– Василина Барская.

– Есть такая под номером один, – более спокойным тоном сказал и принялся меня досматривать металлодетектором.

Сзади послышался, какой-то шум, охранник подтолкнул к стене и я увидела толпу мужчин восточной национальности. Они взяли в кольцо идущего мужчину, наверное важный человек раз с ним столько телохранителей. Мне стало не комфортно, как и охраннику, который стоял рядом.

– Кто это? – спросила я, провожая взглядом мимо проходящих важных персон.

– Тихо! – сердито отвечает мужчина, когда те уже не могли услышать нас, – Это сам Эмир, сегодня прилетел из Каира!

– Ого-го. Важная шишка значит. Вот в чьих водах все денюжки.

– Прикуси язык, девочка. Если услышит кто-то из его людей, то со свистом вылетишь. Повезёт если так, а если до Эмира дойдёт, то не сдобровать тебе! Всё ступай!

По таблице этажей, определила, что мне нужен десятый этаж. Двери лифта открылись не успела и шагу ступить, как он заполнился охранной Эмира. Видно, что специально встали так, чтоб никто не вошел. Я невольно закатила глаза цокнув. Мне по барабану Эмир или сам президент для меня все равны между собой и всё же в тех серых глазах, что-то таилось, что вызывало волнение. Так что я не делала резких движений, готова подождать своей очереди и зайти в свободный лифт.

Я не расслышала что сказал Эмир, а после, все они оставили место в лифте и один жестом руки подозвал меня.

А что, я не против! Никогда еще не находилась так близко с таким серьёзным человеком.

В сию же секунду после того, как лифт тронулся с места, я пожалела о своей смелости.

Эмир не просто смотрел на меня в зеркальные двери лифта, а словно оценивал, даже показалось, трется об меня и дышит мне прямо в макушку. Я сделала шаг вперед и опустила глаза, боясь их поднимать. Я занервничала, дергая туда-сюда замок сумочки. Как на зло, мы останавливались то на третьем этаже, то на четвёртом, и конечно же, охрана тут же поднимала лифт. Мужчина своим громадным видом выделялся на фоне остальных, этого невозможно не заметить. И да, перед ним я выглядела маленькой бабочкой.

Неужели десятый этаж! Я с облегчением вздохнула и поспешила на выход.

– Здравствуйте, я Василина Барская, – вежливо начинаю, подойдя к стойке секретаря. Кладу свои рекомендации от куратора, аттестат школы иностранных языков, зачетную книжку и характеристику, – я поступила для прохождения практики, – мило улыбаюсь.

– Здравствуйте, – поправляя очки, спрашивает, – а медицинская комиссия, то есть справка от психиатра, нарколога, окулиста и, конечно же, гинеколога, есть?

– Минуточку, – посмотрев в сумке, я не нашла справку, только я точно помню, что я все документы положила.

– Вы, первый день, а уже заставляете нас сомневаться в вашей ответственности.

Кто-то положил свою руку мне на плечо, отчего я невольно дернулась оборачиваясь. Один из телохранителя Эмира с кувшиной на голове, держал в руках мою справку, которую я тут же смущённо выхватила и покляла на стол секретаря.

– Простите, – извинилась перед ней.

Вот что бывает, когда в страхе не даёшь отчёт своим действиям. Даже не заметила, что из рук выпал важный документ, когда тихо дрожала в лифте.

Я не поблагодарила мужчину, обернулась, но его уже не было рядом. Они стояли в другом конце помещения и главный Эмир с ними. Он по виду примерно возраста моего папы.

– Вы меня слышите?

– Да, конечно, да, – быстро отвечаю на голос.

Директор вас ожидает, – показывает ручкой на дверь, в которой будет решаться папина судьба.

Глава 3

Временами забывая от растущего беспокойства имя директора, перечитывала на золотистой табличке по нескольку раз, проговаривая про себя, стараясь не запнуться при обращении к нему.

– Здравствуйте, Андрей Витальевич!

– Здравствуй. Здравствуй, юная леди, – с нескрываемым интересом просматривал мои документы, лежавшие у него на блестящем от чистоты стеклянном столе.

Его кабинет светлее, чем я ожидала. Вид на просторы многоэтажных зданий справа от него, там растекались по всей стеклянной стене капли проливного дождя, они быстро рисовали широкие линии, а на смену им появились новые.

– Не стой у дверей, проходи, присаживайся. Будем знакомиться ближе, потому как ни каждый день, да и не каждый месяц встречаешь перспективных студентов.

Он хотел было что-то добавить, как отвлек один из его звонящих телефонов лежавших на столе. Видимо передо мной человек с большой буквы и на его плечах большая ответственность не только за это предприятие, но, и за пол города. Первое директора впечатление обо мне взбодрило и на душе стало более спокойней, это придало надежды, пусть и маленькой капли быть принятой не только на практику, вероятнее и на работу, если, конечно же, получится дого-

вориться. Пугало лишь отсутствие стажа работы и совсем юный возраст, который Андрей Витальевич не мог ни подметить, сразу же его подчеркнул. Может у меня и нет стажа работы, однако меня не удручают огромные текста на английском, арабском языке и, даже нет страха перед иностранными гражданами, их предложения я с самого первого слова или иероглифа уже перевожу. Все намного проще, не так страшно, как представляют мои однокурсники, ждя экзаменов, как собственной казни. Увы это правда! Ночами девочки не спят перед зачетами и я вместе с ними, не потому что готовлюсь, составляя им компанию дрожать, а наоборот напоминаю им легкие правила, которые они почему-то не могут без подсказок вспомнить. Один добрейшей души преподаватель кафедры, однажды сказал, что не удивится если я буду писать с закрытыми глазами или на ощупь пальцев переводить продавленные текста сделанные для слепых людей. И это правда! У меня лучший разговорный без акцента, словно я родилась и выросла на ближнем востоке. Но, я из русской семьи и мои корни уходят глубоко к славянам. Мама родилась и выросла в Боснии, а после уехала учиться в Россию, где вышла замуж за папу. О моих славянских корнях говорит моя внешность, светлый волос, который на солнце переливается чистым блондом. Синие глаза, а, иногда блестят оттенком голубого неба или моря, на которое мы ездили с родителями всего пару раз. Ростом я выше мамы с её метр шестьдесят пять, я в папу пошла. Длинные ноги, кото-

рым как Вика говорит может позавидовать любая женщина. Иной раз её искренность похожа на зависть, хотя по подружьиным словам она считает, что высокие женщины для дела, а низкие для любви. Так что никогда Викины слова меня не кусали.

Андрей Витальевич поднес к уху телефон и нервно ответил:

– Зачем переспрашиваете? – остановил катившуюся ручку одним движением, – Я подписал ему отпуск, пусть отдыхает.

Когда положил трубку телефона, переключился на меня и снова зазвонил телефон, но уже другой.

– Да, что за день такой? – недовольно нажал на кнопку телефона ответив, – Да! Я понял вас, наша фирма лучшая в этой стране и мы каждого клиента не оставляем без внимания. Не беспокойтесь.

Я присела за длинный стол и положила руки на гладкую поверхность.

Мужчина сделал глубокий вдох и принялся снова за мои документы. Сканировал их задумчивым взглядом, сдержанно улыбался, иногда приподнимая густые брови удивленно говорил:

– Надо же ни одной четвёрки, хотя с такой внешностью не обязательно иметь мозг.

Я напряглась и выпрямилась в спине, если бы не вынуждающие обстоятельства, то я бы сказала ему пару ласковых.

Как воспринимать его слова? Он что думает, если чего-то добился в этой жизни, то имеет право оскорблять? Я тихо и медленно выдохнула.

– Василина, – бросил на меня вопросительный взгляд, а потом перелистнул страницу зачетки на первую, будто проверяет не ошибся ли в имени, – редкое у тебя имя, как и талант, – голос звучал серьезным на последнем сказанном, – который мы без сомнения будем проверять. Ведь как ты уже наверное поняла, я не собираюсь рисковать репутацией фирмы и за любую оплошность, даже не значительную ошибку с твоей стороны тебя с позором отсюда вышвырнут перед тем, как ты начнешь оправдываться. Тебе все ясно? – протяжно спрашивает он.

– Да ясно, более чем, Андрей Витальевич.

– Радует твоя сдержанность и чувство границы между начальником и подчиненным.

Проверял на вшивость значит? Хорошо, что прошла проверку.

– Тем не менее тебе еще есть чему поучиться, потому как тебя слишком много и ты не сразу исполняешь мои требования.

У меня все внутри закипало, что за бред он несет? Как меня может быть много, когда я пару минут назад сюда вошла, как и с его требованиями, которые еще не поступали?! Я могла вежливо послать его и пройти практику в другом месте, но, тогда бы все шансы заработать деньги отцу на опе-

рацию снизились бы к одному на миллион. Мне нужна практика именно здесь, где есть практика там и работа будет, и уж точно не за гроши. "Где посеешь зерно там и плоды собираешь".

– Вот тебе первый урок.. Я требую, а ты не теряя время исполняешь! Я задаю вопрос ты коротко отвечаешь!

Это все из-за того, что я войдя не сразу присела за стол и при ответе добавила пару слов? Какой-же он странный человек. И к тому же ему идут все эти странности. Лишнее говорить и делать не станет и, как я уже поняла, очень ценит своё время. Так он мне представился. Ещё я заметила восточные черты лица, глаза – они черные с густыми ресницами и бровями на смуглом лице. Похож на грузина, но нос.. он не с горбинкой, возможно у него отец или мать другой национальности.

– Поняла, – кратко ответила.

– Уверен по окончанию практики с тебя получится хороший специалист и, если я останусь хорошего впечатления о тебе, то возможно в моей фирме появится молодой специалист вроде тебя.

– Спасибо! – хотелось подскочить от радости, а потом поймала его острый взгляд и остолбенела.

– За практику у нас не платят, потому как ты ученик, однако я ценю труд любого человека, особенно уважаю вашего ректора института и поэтому за каждую успешно проделанную работу ты будешь получать неплохую мотивацию в виде

денег. Тебе всё ясно?

Я согласно киваю:

– Спасибо вам, поняла, – я добавила про то, что не боюсь работы и готова работать хоть с утра до ночи.

Когда увидела в его лице негодования, испугалась, но терять по сути то нечего. Меня вынуждают обстоятельства так себя вести, пусть выскочкой кажусь, мне просто нужны эти деньги.

– К чему такие жертвы, разве такой красивой девушке нечем заняться в свободное время? Да, и на сколько мне известно у тебя должна быть хорошая стипендия, не все трудоустроенные, даже зарплату такую получают сколько ты за учёбу.

Я решила так сказать поделиться своей бедой, может для такого человека, как он, миллионы это не деньги. Представив папу в больнице я загрустила, мне тяжело об этом думать. Грудь сдавило и я прочистив кашлем горло от давящего кома, стала говорить поглядывая то на него, то куда-то сквозь в надежде, что у него есть сердце и милосердие.

– И как вы уже поняли все для папиной операции, и я не считаю себя жертвой, скорее являюсь надеждой для папы, – сама не поняла, как слезы выступили из моих глаз и стали жечь их.

Не старалась вызвать жалость у мужчины, я очень гордая и не люблю, когда меня жалеют выставляя жертвой. Мне не важно трогают его мои слова или нет, если он испытывал

тоже самое что я, то он поймёт в каком я положении.

– Ну и дела, Василина, – приглушенно он сказал. На долю секунды показалось он сейчас станет папиным спонсором или, как их там называют, людей, которые вкладывают свои деньги на любую благотворительность и спасение жизней, но он решил остаться слушателем, посочувствовал тихо и резюмировал все это, говоря:

– Сочувствую, Василина. Держись. Должен признаться, ведь лучше убивающая правда, чем дававшая надежду ложь.. тебе не собрать такую сумму в кратчайший срок, даже если ты будешь жить на практике.

– Я знаю, а вот если бы вы взяли меня к себе на работу, как молодого специалиста, то мой шанс бы в миллион раз вырос, – вытирая тыльной стороной руки мокрое лицо от слез, прошу, – Пожалуйста, вы, не пожалеете.

Я готова была умолять, не своим голосом просить соединя ладони вместе, Это же ради папы и нет здесь места гордости, я наперед ее оставила переступая через себя.

– Еще бы я пожалел! – твердо восклицает Андрей Витальевич, – Мой ответ нет и точка, больше ничего не хочу слушать!

Мне нечего было добавить, мужчина уже не то, чтобы молчал, он встал со своего кожаного кресла и отвернувшись, подошел к панорамному окну, давая понять, что не желает ничего слышать. И мне пора уходить.

В глазах все расплывалось от пелены никому не нужных

слез, кроме меня. И вправду со слезами выходила вся боль и пусть на некоторое время.

– Василина, – кто-то отдернул меня за руку, – с тобой все в порядке?

Это была та секретарша директора, она держала в руках бумаги, которые я видела в размытом виде.

– Я в порядке, – ответила я.

– Возьми дневник практики, думаю не надо объяснять, как его заполнять?

На самом деле, я морально подавлена, потеряна и в такой безнадежной ситуации, что хотелось побыстрее добраться до машины, и кричать не своим голосом. Также хотела поехать к папе и долго, долго плакать ему в грудь. Или наоборот поддерживать его, показывая какая у него сильная дочка. Бедненький. От одной мысли, какую адскую боль он сейчас испытывает и ничем ему не могут унять эту боль, кроме операции в Израиле мне не хотелось жить. Отдала бы жизнь лишь бы мой папочка, самый родной, самый добрый и нежный был здоров и счастлив рядом с мамой. Почему жадность людей делает их слепыми и глухими перед горем других людей? Все подобно крысам несут еду и ценные вещи в дом, и там их съедают и охраняют, так словно все это сделает их бессмертными. Воруют и гордятся не своим богатством, показывая людям какие они молодцы. Меня начинает тошнить, позывы рефлексивно усиливаются и я хватая у секретаря документы спешу в уборную комнату.

Все обошлось, не вырвало. Я оперлась руками о раковину, немного отдышалась и включив кран, стала смывать, наверное, потекшую тушь со своего лица вместе со слезами. Когда подняла глаза на свое отражение, то меня словно током ударило и я превратилась на секунду в статую. Полное забвение. Да, какой там, я забыла кто я и как звать! Забыла все! Все ухнуло, ушло в пятки от страха увидеть позади себя того самого шейха Эмира и его охрану. Черт! Что они делают в женском туалете? Слепые и не видят табличку "дама?" Когда заметила писсуары, то стало в душе смешно, страх со смехом смешались до истерики. Эмир видимо сам был не меньше меня в шоке, а его охрана держалась за оружие, которое виднелось за белыми рубашками. Глаза Эмира потемнели, руками он держался за шнурки своих шаровар, повезло мне, что стоит не держа в руках свое мужское достоинство, иначе бы я скорее всего ослепла и провалилась от смущения.

Что я могу сказать? А что здесь говорить? Надо бы поскорее исчезнуть с их виду, что я и сделала в сию же секунду. Лицо горело огнём, да мне стыдно!

Вышла на улицу и истерически засмеялась. Эти перепады эмоций не делали лучше, только хуже, причиняя дикую боль. Я впала в какое-то отчаяние из-за того, что не могу помочь папе. Слезы снова потекли рекой смешиваясь с каплями теплого дождя. Я почувствовала легкую вибрацию на своем лице, когда запрокинула голову вверх к небу.

Как сообщить маме, что мы в безвыходном положении? Я

дала ей надежду, а теперь что? Как мне поступить? Она ждёт моего звонка, наверное сидит у окна и не выпускает с рук телефон в ожидании, что я скажу: "Мама, я устроилась на работу и папе сделают операцию, потому что деньги я нашла".

В сумочке пиликал телефон, достала и закрывая его рукой от дождя, увидела номер подруги.

Облокотилась о перила лестницы и снова в слезы, готовая сползти вниз.

Нажимая на экран слышу её голос:

– Вась, ну что там? Я маме твоей звонила, она плачет ожидая твоего звонка, – грустным тоном говорит.

Слова застряли где-то в горле, я ничего не могла ответить. Слезы душили меня, временами отводила телефон, чтоб она не слышала мой плачь.

– Ал-л-о-о-о.. Васил-иина-а, ты плачешь?

– Вик, меня оставили на практику, но, а о работе сказали забыть, пока не наберусь стажа и опыта. Поэтому, у меня не вышло. Я не смогу найти эти проклятые четыре миллиона! – срываюсь на крик.

– Девочка моя, не плачь. У нас ещё есть время, мы найдем выход. Обязательно найдём! Слышишь?!

– Не найдём выход, потому что его нет. Это неподъемные деньги, понимаешь? Папа останется инвалидом!

Вика стала кричать в трубку, за что я ей благодарна, она знает, как меня привести в чувства.

– Оставайся на месте, я вызываю такси и скоро буду, –

послышались короткие гудки и я бросила телефон в сумку.

Дернула плечом, потому что сзади кто-то покушался на мое уединение. Никого не хочу видеть и слышать, пусть никто меня не трогает. Не сейчас, пока не услышала:

– Наш Эмир, пожелал встретиться с тобой, – арабский язык всегда был очень красив и богат.

Повернув лицо, мне уже было все равно, что я некоторое время назад виделась с ними всеми в мужском туалете.

– Ты, ведь понимаешь меня, женщина?

Женщина? Мне всего двадцать лет! Он вообще знает после скольких лет меня можно назвать женщиной? Я улыбнулась на его глупость. И оглянувшись нашла глазами Эмира, он сидел в роскошной и очень богатой машине с открытой дверью, я лица не видела, он сидел глубоко внутри.

– Вижу, что понимаешь и знаю, что владеешь разными языками, – его голос звучал больше угрозой, чем утверждением.

– Что вам нужно? – спустилась на одну ступеньку ниже.

Мужчина нахмурил брови, что его удивило или может рассердило?

– Тебе сообщат о месте и времени встречи, а так же пришлют личного водителя. И еще, наш господин не терпит отказов, и никогда не повторяет дважды.

– Что еще ваш господин хоч..

– Чтоб ваш отец не стал инвалидом! – вставляет слово поперек, как острое лезвие мне в сердце. Туда где сильнее все-

го болит. А с этими словами открывает мою сумку и кладет туда платинового цвета банковскую карточку, пока я от его слов, а потом уже, и от действий пребывала в шоке.

Глава 4

Ряд машин скрылись из виду. Я достала банковскую карту и покрутила ее в руке с целой гаммой чувств.

"Чтоб ваш отец не стал инвалидом". – голос мужчины не стихал в голове.

Откуда они знают про отца? Вероятнее всего слышали мой разговор с Викой. Вопросов оставалось немало от действий Эмира. Кто я такая, чтоб мне обычной девушке помогать? Хотя какая разница кто решил помочь, очевидно же, что правитель Арабских Эмиратов благодетель и для него, наверное, деньги не представляют ценности, как для нас людей со средними и низкими доходами. А может быть, он управляет благотворительными фондами и по-человечески решил помочь? Неважно, я эту карту передам маме, пусть поедет с папой в Израиль и ею оплачивает недостающую сумму для операции.

Беспокоило только желание Эмира встретиться со мной, на это у меня не находилось ответа.

Увидела подругу то, как она выходит из такси. Длинные до пояса чернявые волосы быстро мокли под дождем, пока она не раскрыла зонт и не подошла ко мне. Она выглядит сногшибательно, если и можно ее поймать без макияжа, то только ночью перед тем, как она ложится спать. Вика закончила колледж по специальности визажист, что находился в

другом районе Москвы. Она лучшая в этом деле, стремится открыть свой салон и развиваться. У этой красотки большие амбиции и не сомневаюсь в ее успехе, уж кто-кто, а она умеет добиваться желаемого.

– Извини, что заставила долго ждать, – целует в щечку под дружески, – Главную дорогу перекрыли, там какая-то шишка проезжала, пришлось в пробке объездными дорогами проезжать.

– Пошли в мою машину, – достаю ключи и прячусь к ней под зонт.

В обычной манере повернула зеркало заднего вида на себя, став поправлять свой макияж, говоря:

– Вась, я все придумала, – достает из рюкзака планшет, открывая неизвестный мне сайт, – Это сайт известного благотворительного фонда, они занимаются сбором средств для инвалидов, больных раком и людей, которые попали в трудную жизненную ситуацию. По отзывам они лучшие.

– Да? И что для этого нужно? – теперь уже с интересом сканирую экран глазами.

– Надо позвонить и спросить, но здесь написано, что нуждающийся в помощи должен описать проблему, и если подойдет по всем критериям, то его пригласят на видео обращения, которое увидят все граждане страны. Короче.. надо действовать, чтоб быстрее разошлись слухи о вашей беде и открылся счет для помощи.

– Вик, на это все нужно время, которого к сожалению у

нас нет, – устало вздыхаю, откидываясь на кресло.

– И что теперь, сидеть ничего не делая и ждать не пойми чего? Васька, деньги с небес только во сне падают, а ты в реальности. Открой глаза, мы никому не нужны в этом Мире, поэтому надо всего самим добиваться! Лучше пусть поздно, чем никогда!

– Я не маленькая, понимаю.

– Тогда я тебя не пойму, или может у тебя есть другие варианты? Так предложи их, – жестикулирует руками, на которых блестят золотые кольца.

– Вот, – показываю ей карту.

– Что это?

– Шанс на операцию для папы.

Вика разглядывала ее непонимающими глазами:

– На каком языке она расписана?

– На арабском.

– И откуда она у тебя?

– Не поверишь, эту карту мне дал сам Эмир, правитель Арабских Эмиратов.

Вика тут же засмеялась в голос, а когда поймала мой серьезный взгляд, то замолчала и ее лицо уже выражало растерянность.

– Ты ее украла.

– Вик, ты, что не в себе? Я никогда бы на такой грех не пошла, да и у него столько охраны, что никто бы меня и на метр к нему не подпустил.

Но Вика меня будто уже не слышала, несла какой-то несуразный бред. Вообще обидно стало, моя лучшая подруга посчитала, что я воровка. Я за всю жизнь ничего чужого не брала, если конечно, не считать детство, где могла куклу взять без спросу, и спрятав за пазуху, отнести к себе домой. А кто в детстве не шалил так? Да все! Но воровкой я никогда не была, воспитание не позволяло.

– Лучше признайся, Василин, я то пойму. Тем более на кону здоровье дяди Сережи, воровство ради спасения родного человека – это объяснимый поступок. Я бы тоже так сделала на твоём месте.

– Я не воровка!! Этот шейх слышал наш телефонный разговор с тобой, а потом его человек дал мне эту карту!

– За какие это заслуги сам Эмир решил тебе помочь? – с презрением смотрит на мои мокрые ноги от дождя.

– Ни за какие! – обиженно цежу я, – Он ничего взамен не просил. Почему, ты не можешь предположить, что шейх просто решил помочь, не преследуя корыстных целей? Может у него добрая душа, – она не дала мне договорить, вставляя.

– Да потому что такие серьезные люди за просто так ногу с дивана не поднимут. А тут он, видишь ли благородно помогает обычной девчонке. Тебе это не кажется странным?

– Я тебе уже ответила! – завожу машину и выезжаю с парковки.

– Ты дура или притворяешься? Они, таких как ты, про-

дают в рабство шейхам в гарем, там их насилуют, а потом убивают!

– Каких таких? – устала с ней цепляться за правду, спокойно слушала, однако, что бы я не отвечала, ее это только раздражало.

– Наивных дурочек вроде тебя!

– Вика, тебе надо завязывать смотреть сериалы про Восток, потому что мы живем уже в другом, в цивилизованном веке.

– И все-таки ты дура.. Потому что в отличие от тебя я смотрю новости по НТВ, а там ерунду не покажут. Да и не зря вышел фильм "эскортницы". Девушек продают в рабство, а особенно девственниц, чистых и непорочных как ты.

– Откуда ему знать, девственница я или нет?! Он что гиниколога со мной проходил? Все Вик, не нагоняй жути, итак тошно стало. Отдам маме карту и пусть оплатит операцию, думаю там, хватит денег.

– Проверит, когда в плену у него окажешься. А картой я тебе настоятельно советую не пользоваться, а лучше выброси от греха подальше.

– Зачем я только тебе рассказала, больше ничего не услышишь. Все!

Я высадили Вику, где она попросила и поехала в общежитие. Всю дорогу ее слова не выходили из головы, может же все приукрашивать и преувеличивать. Хорошо, что про встречу с шейхом не призналась, тогда бы, скорее всего по-

дрались. Что на нее нашло? Скорее насмотрелась жути и решила предупредить. Хотя о чем? Это все сказки и Викина фантазия! Я набрала маму, но она почему-то была недоступна, возможно сел телефон, а мама работает в саду. За папу мысленно молилась, к нему пока не пускают в больницу из-за карантина.

В комнате девчонок не было, наверняка гуляют со своими парнями, сидят в кафе или целуются под дождем на видовых площадках. Романтика! Одна я в глубочайшем одиночестве сижу за столом, поедая сушки со сгущенкой, запивая все это чаем с молоком. А это моя романтика. Я люблю одиночество, люблю читать романы и, конечно же, на арабском языке. В этих книгах есть что-то загадочное, что-то от чего с первых слов влюбляешься в их менталитет и героев романа. Жесть не читаю, но открывая книгу по ней не скажешь, что там есть сцены жестокости, поэтому полюбив сюжет уже не способна оторваться. Но там и жестокость выглядит нежной, потому как она от любви, где главный герой всеми силами борется за любимую. Я воодушевилась и подойдя к своей полке, взяла недочитанную книгу, улыбнулась и легла на кровать. Документы о практике на моем столе немного отвлекали, надо же заполнить дневник на завтра. Совесть грызла в первую очередь, и я сомневаюсь уже буду ли читать сейчас роман. С нежеланием стала заполнять все документы и договор прочитала, ничего удивительного мне не показалось. Все в порядке. Достала карту, я до сих пор пребываю в шоке. В моих

руках недостающая сумма для папиной операции.

На телефон посыпались сообщения. Вика всегда вовремя, будто чувствует, когда грусть окутывает меня.

Стоило ожидать от подруги, она мне штук пятнадцать видео скинула и ссылки, как я уже потом увидела со статьями про похищенных девушек и недавно пойманную банду, которая торговала девушками под предлогом работы за границей. Последним было сообщение заглавными буквами: "НЕ ОБИЖАЙСЯ! Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ И НЕ ХОЧУ, ЧТОБ ТЫ ВО ЧТО-НИБУДЬ ПОДОБНОЕ ВЛЯПАЛАСЬ!"

По всему телу прошла первая волна страха, боязнь неизвестности от роли, которую мне может уготовить этот шейх. От увиденного затаилась в душе паника. Одно, когда говорят, а другое когда собственными глазами зришь весь этот ужас, пусть и из всемирных источников интернета. Нельзя отрицать, что это может оказаться политической игрой. Интернет – всемирная паутина, в которой мало правды, потому как если бы показывали правду, то у людей бы пропал интерес. Многие преувеличивают, шоу и не более. Тем не менее, я все же прислушаюсь к Викиным советам и откажусь от помощи нежданного Эмира. Когда мне назначат встречу, я поеду и отдам ему его карту, ведь по правде говоря, он мог не так помочь, а сразу через благотворительный фонд или своими методами оплатить папину операцию. И встреча меня тоже теперь настораживает, да и тогда напугала. Я не политический деятель, даже и рядом с ними не сто-

яла как этот шейх. О чем мне с ним разговаривать? Может Эмир хочет обговорить, как я буду оплачивать долг, в который я не собираюсь влезать. Но такие деньги я даже за год не соберу, даже думать об этом не хочу. Я верну банковскую карту и тема закроется навсегда. Мне сейчас проблемы не нужны, так что буду пробовать с идеей Вики, подать заявление на сбор средств для папиной операции.

Стук в дверь отвлек меня.

– Войдите.

– Привет!

– Роман? – от неожиданности увидеть его, брови стали ползти вверх, так же как и у парня.

– Я сам не поверил, пока не увидел, как проходишь мимо меня к дверям общежития, где я, если что, тоже живу, – не скромно улыбается.

Это тот незнакомец с озера, что решил, что я горничной работаю у нашего озера в селе. Высокий, кареглазый, немного горбится и в очках. В ларьке у Гарри Поттера, что ли купил? Он вызвал у меня смех своим видом, интересно на каком он факультете учится?

Прикрываю рот ладонью, чтоб скрыть смех.

– Что тебя рассмешило?

– Извини, к тебе это никак не относится, – да, я вру! А что мне ему сказать, что он выглядит ботаником или блогером приколов?

– Можно составить тебе компанию? И я, кстати, со сво-

им, – расплывается в улыбке показывая мне шоколадку в руке.

– А чего нельзя? Мне все равно скучно.

У него красивая улыбка, ему идет, так как не у всех парней ровные и белые зубы.

– Вот не думал, что когда-нибудь еще увижу тебя, – наливают кипяток в кружку, не отводят от меня взгляда.

Оказывается он еще и немного странный.

– А о чем ты думал? – смущенно задала вопрос, ведь он смотрел на меня так словно я его подружка, к которой он приехал спустя много лет. Рома из простых без всяких понтов, об этом говорило не только его общение, но и обычная одежда; джинсы, чёрная футболка с каким-то дурацкий рисунком и еле заметная дырочка на плече.

Кажется, мой вопрос застал парня врасплох, слегка покраснел, но сказал правду.

– Я думал о том, скорее бы приехать на выходных в село и увидеть тебя снова, чтоб познакомится поближе.

– Увидел, теперь будем знакомы, – ответила я.

– Будем, Василина, – помешивает чай, – Я живу в сто двадцатой комнате, на первом этаже.

– Первый этаж это же филологи?

– Да, да! Я уже без пару месяцев выпускник.

– Ничего себе, я тоже. Ром, почему я тебя раньше не видела?

– А-а, так я переводом к вам, я сам из Санкт Петербурга.

Родители здесь работают, они кстати у меня тоже филологи.

– Поняла, очень интересно, – пододвигаю ему бублики в вазе, – Угощайся.

– Спасибо. Василина, мы давно не дети, чтоб ходить во-круг да около, поэтому можно нескромный вопрос? – держа у рта бублик, спрашивает.

– Давай.

– У тебя парень есть?– мои щеки обдало жаром, так надо прийти в себя, – Хотя у такой девушки, навряд ли, нет парня. Я угадал?

– А ты хочешь быть моим парнем?

– А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос и так.. прямо?

Я улыбнулась, облокотившись подбородком на руки, ответила:

– У меня много друзей мужского пола, а вот парня нет. Не выдерживают моей упрямости. Сбегают после первого же свидания.

Рома смотрел прямо мне в глаза, стараясь что-то там разглядеть, заметно любуясь ими. Этому парню я однозначно нравлюсь, иначе бы не сидели так и не ворковали, как голубки.

– Тебе кто-нибудь, когда-нибудь говорил, что у тебя необычный цвет глаз? Красивый, даже очень.

Я вздохнула, потому что еще один не сумевший промолчать о моих глазах.

– Это не линзы, пожалуйста, не смотри так, как на подопытную.

– Ни в коем случае, извини. И вправду с тобой сложно. Комплиментов не замечаешь или не хочешь замечать.

– Я же говорила.

– Завтра обещают хорошую погоду, может сходим куда-нибудь?

– Извини, Ром, у меня сейчас тяжелое время и мне пока совсем не до этого. Если что я сама тебя найду, хорошо?

– Тогда оставишь номер?

– Без проблем.

Глава 5

– Что за красавчик только что вышел из нашей комнаты? – одnogруппница нетерпеливо спросила, скинув с плеча сумку, – Твой парень?

– Нет, так знакомый, – сухо ответила я, собирая сумочку с принадлежностями для душа.

– Жаль. Он симпатичный и даже чем-то похож на тебя, – присела на свою кровать, облокотившись о стену.

– Чем похож, цветом волос и ростом?

Ленка закатила глаза:

– Вась, я вот с тобой с первого курса и совсем не припоминаю, чтоб ты с кем-то, когда-то встречалась. Неужели тебе не хочется мужского внимания, страсти, да секса в конце концов?

– Ты перечислила потребности, Лена. А и без них жить можно.

– Капец, ты, странная! – недовольно фыркнула она, – А ну да, ты же принца на белом коне ждешь, так смотри разберут всех нормальных.

– Не переживай. Мое от меня не уйдет, – я могла ответить так, чтоб вопросов не возникало.

Касаюсь ручки двери, чтоб выйти, как меня тут же опережают.

– Добрый день! Я курьер и мне нужна Василина Барская, –

парень стоял передо мной с букетом, нет правильнее с букетищем роскошных белых роз. Из-за которого курьера было почти не видно.

– Я-я перед вами, – протянула я на выдохе.

– Тогда получите и распишитесь.

Я повернулась к Ленке, потом снова на курьера, спросив проявляя негодования:

– Вы не ошиблись адресатом?

– Исключено! – ответил он.

Ленка подскочила с кровати:

– Ого-го.. Вот это букетище, даже мне такой не дарили, – зависть сверкала в серых глазах Ленки. У тебя появился тайный поклонник? Кто он?

Мне самой любопытно и я поинтересовалась:

– От кого цветы?

– Заказ оплатили через интернет не оставляя обратного адреса.

– У нас даже некуда его поставить. Васька, какой же он огромный, – начала быстро фотографировать цветы, – Слушай, а может быть это тот парень прислал, знакомый твой?

– Не знаю, – пожимаю плечами, а когда появился Рома на пороге, то ответ отсёкся сам собой.

– Вижу меня опередили, – спокойно утвердил Рома, держа в руках маленький пучок ромашек.

– Упс, – Ленка всегда влазит, когда ее не просят.

Я оказалась в замешательстве из-за нее, особенно когда

эта выскочка, добавила:

– Вот это поворот, Василина. Ну так бывает, когда крутишь с двумя сразу. Парень, ты, же понимаешь, что Василина тебе, – пауза. – Не по карману?

Дикое желание появилось, наброситься на эту суку и повыдирать ей ее рыжие патлы. И язык вырвать, чтоб больше рот свой не открывала.

У меня есть тонкая черта характера никогда ни перед кем не оправдываться. Дуракам нет дела до правды, а более сообразительные не станут поддакивать стаду.

– Про себя рассказываешь?! – цежу сквозь зубы, бросив букет на стол так, что перевернулась кружка и с грохотом разбивалась о пол.

Да, я точно зацепила ее проститутцкую натуру, иначе бы не выбежала из комнаты как угорелая. Я быстро отходчивая и привыкшая к Ленкиным стёбам, однако она перешла все границы дозволенного ей. Я добрая и мягкая, а если доведешь до горячки, потом могут щемиться все.

Встретилась глазами с Ромой. Не знаю, что он чувствует, меня это не заводит и не пугает, потому что я не заинтересована им.

– Это тебе, – протягивает мне ромашки.

Улыбка на его лице натянута, он однозначно расстроен увиденным. Я ему нравлюсь и он сегодня признался, когда про парня спросил, а сейчас подтверждает действиями. Но я не могу ответить ему взаимностью, может когда-нибудь,

когда отношения завяжутся у нас и я что-то почувствую к нему, если конечно это не последняя встреча. А сейчас холод и пустота в душе к Роме.

– Спасибо, Ром.

Ничего не сказал, лишь подмигнул и развернувшись ушел.

Вошла в комнату Ленка со своими двумя подружками. Пнула стул и скинула со стола букет роз.

– Как думаете, девочки, из него получится хороший венник? – брызнула смехом рыжая.

– Смотри не лопни от зависти! – поставила ромашки в вазу к себе на тумбочку.

Мне нет дела до роз, принимаю за ошибку в технической работе, программы доставки курьера.

– Тронете ромашки – прибыю! – воскликнула и они крысиным взглядом посмотрели на рыжую.

– Посмотрите, девчонки, кажется наша необъезженная и ненаглядная, получила подарок с цветами, – наклонилась вниз и своими худыми пальцами подняла карту шейха. Ту самую, платиновую.

– Отдай сюда! Быстро!

Они, как и я знают арабский и, конечно же, не могли заткнуться.

– Кому она сдалась! – вернула мне, попятившись назад, – Теперь понятно почему ты одна, тебе больше нравится тра*аться с арабами. Арабская подстилка!

Я схватила первое, что попало под руку и ударила Ленку. Она успела закрыться руками, перед тем, как я со всего размаху треснула ей кастрюлей. Другие опешив, побоялись подходить и, только я схватила рыжую за патлы, как кто-то меня силой отдернул от нее.

– Это что такое? Совсем стыд потеряли? Устроили здесь куриные бои! – писклявый голос вахтерши гремел, как гром, – Сегодня же напишу на вас докладную и пулей вылетите из общежития. Ты, Ленка, давно с огнем играешь, вставай первая на очередь. Ну, а ты Василина, – пауза, – от коекого, а от тебя меньше всего ожидала!

Собрались зрители, сбежались на крик, кто-то стал подбадривать, говоря:

– Давно пора этой Ленке освободить общагу, – сказали вслед рыжей, которая уже умоляющим голосом просила не писать докладную.

– Вася, ты, что серьёзно кастрюлей ей врезала? – сдержанно спрашивает только что пришедшая Аня, моя вторая соседка. Крайне редко злит меня, больше она душа компании и моя веселушка. И не такая, как эта рыжая..

– Да! Ей бы все равно, рано или поздно кто-нибудь врезал! Анька засмеялась:

– Значит ты меня опередила, – засмеялась громко, приобняв меня.

Меня скорее всего попрут из общаги, проблемы так и наступают на пятки.

– Наталья Петровна, тебя не выгонит, я сейчас народ соберу и поговорим с ней за тебя.

– Спасибо, Ань.

Стою посередине комнаты вся в картофельном пюре и начинаю в голос смеяться, вот же угораздило то. Напротив зеркала висит и там в проходе ребята стоят, пальцем у виска крутят. А мне от всей этой вакханалии смешно до истерики.

Позже все стихло Ленка собирала чемоданы и злорадно улыбалась, а я по возвращению с душа сушила волос. Анька помогала младшему брату, готовила его к экзаменам для перевода на второй курс. Меня они не трогали, хоть и Анька озадаченно поглядывала в мою сторону, словно проверяя, остыла я, или надо подождать от греха подальше.

– Увидимся на защите диплома, неудачники! – оскалилась Ленка и поспешила на выход, толкая чемоданы вперед.

Никто не обратил на рыжую внимания, только с облегчением выдохнули. Удивлял тот факт, что оставила затею просить не выгонять ее с общежития. Ленка же приезжая с острова Сахалина, а снимать квартиру изрядно дорого в городе. Может у парня жить будет? Хотя, что я о ней думаю, она сама виновата.

Я взяла в руки сотовый и меня бросило в холодный пот, потому как сообщение пришло от неизвестного номера.

Написано на русском:

"В 22:00 выйдешь на улицу. Тебя встретят".

Это он. Шейх. У него такие связи, что узнать мой номер

это дело нескольких минут. В душе затаилась тревога, как и ранее от неизвестности. Куда меня отвезут? Может проигнорировать сообщение? Нет, надо же карту отдать.

Я набираю Викин номер, потому как в себе не могу все держать, она сейчас единственный человек в сложившейся ситуации.

– Да-а, Василин.

– Вик, мне нужна твоя помощь, – перевожу дыхание.

На том конце линии слышны разные голоса и громко играет музыка.

– А? Что говоришь?

Я выхожу из комнаты, дабы не мешать Ане.

– Я говорю, помощь нужна! Алё! Вика, ты слышишь? – кричу уже в трубку.

– Васька, тебя плохо слышно! Давай я перезвоню тебе позже, мы с Александром в клубе и тут такой кураж..

Связь прервалась, я нервно топнула ногой.

Войдя в комнату, телефон зазвонил: "Мама"

– Да, мам, – тихо отвечаю ей.

– Доченька, ты звонила? Я траву косила в саду.

– Звонила, как ты? – с тоскою спрашиваю.

– Потихоньку, ты, расскажи, что с практикой? Вика сказала, что с работой у тебя не получилось договориться, но есть идея с благотворительным фондом.

– Не переживай, мам. С фондом я уже решила, заявку отправила с необходимыми документами. Вот жду ответ.

– Не думала, что так быстро.

– Мам, интернет творит чудеса, – она у меня далека от всемирного источника.

– Хорошо, доченька, а почему голос грустный, что-то случилось?

– Скучаю и за папу переживаю, а так все хорошо, мамуля.

– И я скучаю, родная.

– Люблю тебя, мама.

Телефон отключился, сел. Я поставила его на зарядку, а сама прилегла отдохнуть.

Проснулась из-за шума, Анька решила на ночь глядя уборку навести в комнате.

На ночь глядя? Подскочила и подняла глаза на настенные часы. Без двадцати десять.

– Ты, чего? Сон плохой приснился? – смотрит безумными глазами на меня Анька.

Я спросонья пока добежала до уборной комнаты, дабы привести себя в порядок, ударилась ногой об бывшую кровать Ленки.

– Ай, чтоб ей несладко стало! Ведьма!

Надела костюм делового стиля, не на свидания же иду. Волос заплела в высокую косу, макияж делать не стала, времени нет. Взяла сумку, куда положила карту шейха, после драки с Ленкой и вышла на улицу.

Неоновые фары мигнули и я поняла, что по мою душу. Не спешила подходить к машине, в ногах страх сковал движе-

ния. Из темного цвета автомобиля вышел водитель и открыл пассажирскую дверь. Он выглядел никак те арабы, а был в чёрном костюме без куфии. Ничего не говорил, казалось даже не смотрел на меня.

– Куда мы поедем? – спрашиваю на русском, а не дождав-шись ответа, спросила на арабском. Ответа я так же не дождалась.

Выдохнула и спокойно села в автомобиль. Надо достать телефон из сумки и отправить Вике геолокацию и..

Вика права, я дура, потому как второпях забыла телефон на зарядке.

– Мы можем вернуться?

– Нельзя нашего господина заставлять ждать, – ответил.

Я сидела, как мышка смотря в окно. Мы недолго ехали.

Остановились возле самого известного ресторана Москвы. У дверей и по всему периметру здания стояла охрана, даже собаки были у них на цепи. Доберманы смотрели на меня красными глазами и, казалось один неверный шаг и они меня разорвут. От страха старалась не смотреть на них. Мне слышится или там в темном небе на самом деле летает вертолет? Подняла голову и да, я права, там то загорался, то гас красный фонарь.

Оказавшись в помещении меня тут же проверили на запрещенные предметы.

– Телефон, смарт часы и другие гаджеты? – голос охранника звучал холодно.

– Ничего из перечисленного не имею, – стояло ответить, как из рук взяли сумку, а я от трусости не противилась. Почувствовала горячее дыхание сзади у ног. Обернулась и чуть было не потеряла сознания, одна из собак обнюхивала меня. Я с детства до ужаса боюсь собак. Не смогла выдержать проверки и невольно дернулась, попятившись назад. Скаля зубы собака двинулась на меня, но тут же была остановлена своим хозяином.

– Пожалуйста, пожалуйста, уберите собаку!! Я боюсь!!

– Вы, можете проходить.

Мне отдали сумку и указали на дверь. Дальнюю дверь в открытом зале, в котором не было ни единой души.

Сердце гулко грохотало перед встречей. Я протянула руку к дверям и открыла дверь.

Шейх сидел вальяжно, словно он сидит не в кресле, а на королевском троне. Хотя так и есть, он главный у себя в Каире, и кресло обшитое белым бархатом больше похоже на трон. Не удивлюсь, если узнается, что из Каира привез с собой. Черты его лица ровные, есть морщины на лбу и под серыми глазами. Борода аккуратно подстрижена, его мастер, наверное десять раз потеет перед тем как заняться его внешним видом. Белое одеяние, а на шее висит желтый шарф. Это их традиционный наряд, в котором я не разбираюсь. Ладно их женщины ходят вечно закрытые, как в мешках, но мужчинам зачем эти наряды. Этот Эмир выглядел, как из одного моего прочитанного романа.

– Доброй ночи, Ва-са-ли-я.

У него ужасный русский акцент и голос тяжёлый, который не хотелось слышать. Меня по-разному называют, а вот Ва-са-ли-я – никогда.

Я не успела поприветствовать.

– Не бойся меня и моих людей. Ты моя гостья, а моих гостей уважают и защищают.

Я перевела дыхание, набираясь смелости сказать.

– Здравствуйте, – он стал говорить и я замолчала.

– Арабский кофе, гранатовый сок или красное вино?

– Мне не хочется пить и я не голодна. Я хочу вернуть вам вашу карту, поэтому я приехала, – он нахмурился и удивился, посмотрев в экран своего телефона.

– То что я даю, обратно не забираю. Твоему отцу она нужнее, да и как я наблюдаю, ты уже ею стала пользоваться.

– Не понимаю о чем вы, – нырнула трясущимися руками в сумку, но не в кошельке ни в самих карманах сумки ее нет, – Видимо я ее выронила, – растерянно смотрю то на шейха, то на сумку, – Я картой не пользовалась, она в моей комнате видимо, и я обязательно ее вам отдам. Или нет, лучше заблокируйте ее и на этом закончим.

Шейх спокойно встал, а я сделала два медленных, осторожных шага назад.

– Ва-са-ли-я, мы только начали. Карта мне не нужна, она бесценна, а вот ты..

– Ч-что я? – горло пересохло от паники и я прижалась

спиной к дверям.

– Подари мне одну ночь с тобой, а я тебя за это щедро награжу. Ты до конца своих дней ни в чем не будешь нуждаться. У тебя будут лучшие машины, дорогие меха, я тебе дам все чего ты только пожелаешь. В золоте будешь купаться. И если я останусь доволен, то я сделаю тебя своей наложницей! – я опешила и сумка невольно выпала из рук.

Какие меха? Какое золото? О чем он? Господи, мне что снится кошмар? Я хочу как можно скорее проснуться.

Я зажмурила глаза, сползла по стенке, когда этот старый мужик приближался, вытягивая свои мясистые губы к моему лицу для поцелуя.

– Первый раз болезненный, Ва-са-ли-я, но я слово Эмира даю, буду нежным.

Если я буду бояться, то он меня прямо здесь изнасилует. Возможно, итак, это случится, потому как меня отсюда не выпустят, но лучше мертвой, чем изнасилованной. Я встала на ватные ноги и прямо в глаза ему произнесла громко так, чтобы не забыл:

– А хватит ли у старикана мужской силы, чтоб удовлетворить молодую нимфу? Не помрешь на мне? – сказала на арабском.

Его глаза как и брови поплыли медленно вверх и эти головорезы сдвинулись с места. Жест шейха остановил их и они встали на место.

Конечно никто не говорил ему таких слов.

– За такое оскорбление у меня в стране убивают, – он схватил меня за шиворот как котенка и грозно, по-животному зарычал, – Ты заплатишь своей честью за свой гнилой язык! – пауза, предупредил, – В моих покоях, в моей постели дворца Каира!

– Джахаш!! – выплеснула ему в лицо.

– Альщармута! – зарычал шейх.

Шейх сдавил мне горло своей пятерней. Приподнял одной рукой и я еле касалась носками ног до пола. Вся жизнь перед глазами пробежалась и слезы градом от нехватки воздуха. Он меня правда задушит..

"Джахаш" – что означает в переводе с арабского на русский – "Осёл".

"Альщармута" – "Сучка".

Глава 6

– Отпустите! – хриплю сдавленным, гортанным голосом и не дождавшись нужной реакции, из последних сил вцепилась ногтями в удерживающую меня руку.

Его бешеные глаза налились кровью и там в серых радужках вспыхивал кошмар всех его безумных желаний. Вжал меня в стену. Грудную клетку сдавило под натиском его массивного тела. Я за всю жизнь не видела таких огромных мужчин с животной силой хищника. А эти руки? Руки похожи на лапы гориллы, мускулистые с шершавыми и смуглыми ладонями. И этими руками шейх точно сначала ласкает невинных девушек, если конечно, эти клешни дикаря умеют нежно ласкать, а после убивает ради лучшего утеха.

В голову приходит осознание страшного конца для меня, жуткая смерть от рук арабского шейха, который мне пару минут назад представлялся совершенно другим, спокойным и сдержанным человеком. Не диким и ни озабоченным, ни каким я его вижу сейчас.

Я теряла рассудок в агонии страха и не давая отчета своим действиям, вцепилась кошкой в красное от злости лицо. Шейх зарычал от боли, а по моему телу прошла капля радости, что я не настолько уж и беспомощная. Отшвырнул меня в сторону. Схватился за свое поцарапанное лицо ладонями, а когда выступила из свежих ран кровь и он ее узрел

на своих ладонях, зашипел предупреждая:

– Я тебя убью!

Охрана ринулась к дверям, перегораживая мне дорогу и я в следующий миг, почувствовала, как сзади схватил меня за волосы, а потом от непонимания, что произошло, посыпались искры из глаз. И вот я лежу на полу схватившись за голову обеими руками от шума в ушах, и мучающей меня боли. Виски так сильно сдавило, что я застонала в голос от головной боли. Сразу же хлынула ручьём кровь из носа, всё вокруг стало размытым и невзрачным, как и память. Я не могу вспомнить, кто я и как здесь оказалась? Все затуманено и неясно. Чувство, что я что-то забыла, а, что именно не могу вспомнить. Каждое движение головой – болезненное, голова кружилась, словно меня раскачивают на карусели. Я зажмурилась и сдавила ладонями виски, дабы хоть как-то унять боль. Послышались чьи-то голоса, этот язык мне знаком, но я не могу от дикой боли собрать мысли в кучу и понять о чем они говорят. А потом заливистый, громкий мужской смех.

Кто-то меня взял под руки и, когда я открыла глаза и подняла голову, то в размытой картине стоял мужчина, и я не помню кто он.

– Кто вы? – спросила я.

– Кто я? Издеваешься? – от любого шума и крика сдавливало виски.

Я опустила голову вниз, потому как мне больно.

– Простите, господин, наверное от удара у нее мозги по-

текли.

– Похоже на то..

Я слышала шум машин, иногда открывая глаза, наблюда-ла яркие фонари ночного города. Меня куда-то везли незна-комые мужчины и я не могла ничего сказать, а лишь от го-ловной боли плакала снова прикрывая глаза. Мне дали в ру-ки носовой платок и сказали зажать им нос, дабы остановить кровь. Я послушалась. Почему она течет я не знаю, как и не знаю отчего так сильно болит голова. Я чувствую изрядную слабость и если машина резко затормозит, я не смогу удержи-ваться и упаду на пол в салоне.

Рука рядом сидевшего мужчины легла на мою внутрен-нюю часть бедра крепко ее сжимая и поглаживая, добира-ясь скользящим движением до ширинки замка моих черных брюк.

– Не надо, – простонала я, убирая его руку.

– Расслабься и тебе понравится, – ответил, наступая с та-кой же охотой, теперь уже нырнув рукой мне под белую ис-пачканную кровью рубашку.

Я прижалась к дверям отдаляясь от него и прижала локти к груди, чтоб не давать касаться себя. Мне неприятно, стыд-но и гадко от прикосновений.

– Я хочу и буду тебя ласкать, девочка! – от его ухмылки и запаха противного одеколona меня начинает тошнить. У меня от его прикосновений вызывается чувство отвращения и не более.

– Я не хочу, – взвыла в голос.

И тот, что ведет машину твердым, приказным голосом обратился к нему:

– Оставь девчонку в покое, она принадлежит нашему господину!!

– А кто узнает, Рамиль? Тр*хнем ее вдвоем, а там пусть оправдывается с кем она и где!

– Я не буду господину врать! Я-я, – выделил заключение, продолжая, – скажу! Потому, как я хочу жить!

– Ладно, ладно, не трогаю, но и ты меня не выдавай, – убрал руки и даже отодвинулся от меня.

Кто этот господин? Может тот, кто приказал меня отвезти в общежитие? Ничего не понимаю. Вроде бы есть просветы в памяти, но стоит только поймать мысль и тут же снова забываю. Чистый лист.

– Мы на месте, – сказал тот, кого звали Рамилем и остановил машину.

– Птичке пора на свободу, – так же с ядовитой улыбкой ухмыляется, тот кому приказали меня не трогать.

– Кая, давай поторопись, а то машина у нас очень приметная!

Этот Кая, стал копаться в багажнике, а потом я увидела в его руках шприц с непонятной желтой смесью.

Страх окутал меня и я стала дергать ручку двери, дабы вырваться на свободу и она открылась.

– Куда собралась? – у меня не было сил делать быстрые

шаги и Рамиль мне перегородил путь. Почувствовав укол в шею, широко раскрыла рот, чтоб закричать, но и голоса не успела подать, как мне закрыли рот ладонью, и прошептали над ухом:

– Ты упала и ударилась головой об лестницу!

– Рамиль, она точно ничего не вспомнит?

– Это проверенный способ стереть память. Называться это будет так: Необратимое изменение деятельности головного мозга!

Невыносимая слабость и тепло разливается по телу, а к горлу подкатывает тошнотворный привкус меди и кислоты. Я потеряла контроль и упала на четвереньки, опираясь руками об асфальт, старалась подняться на ноги, но не могла из-за сильно раскачивающейся карусели.

Виски снова сдавило с такой силой, что я сжала голову руками в немом крике. Я ощущала с каким рвением бьется сердце так будто оно сейчас разорвет мне грудь. И с каждым мгновением мне становилось дурнее, и леденящий ужас сковывал мои движения. Мне страшно, потому что не знаю, кто я и где? В голове слышу тихий голос, что я упала и ударилась головой об лестницу, но этого падения я не помню.

Впереди поплыли тени в сумерках. У них нет лиц и очертания тел, они что-то кричат, спрашивают, окружая меня со всех сторон, а я не могу ни ответить им, ни встать на ноги, ни даже попросить помощи. А после я тонула, падала в темноту все той же неизвестности и голоса с каждым разом звучали

тиши и тиши.

Я проснулась от крика, не помня, как оказалась лежавшей в постели. Мое мокрое от холодного пота лицо и грудь буквально горели, словно обжигаясь изнутри, когда я судорожно хватала воздух с ощущением, будто меня только что вырвали из ледяной проруби среди замерзшей реки. Перед глазами все еще стояли ужасающие картины, которые я не в силах выбросить из головы. Только потом осознала, что кричала именно я, ведь в комнате больше никого нет.

Буря мыслей переплеталась липкой паутиной вместе с воспоминаниями, что постепенно приходили в виде каких-то обрывков событий. В ушах стоял сильный писк, я закрыла глаза, дабы собрать пазлы происходящего от начала до конца. Однако сильный зуд в области шеи не давал сосредоточиться, я чувствовала пальцами на коже сыпь и когда в комнату вошла девушка, то пазлы постепенно сложились в виде трейлера из фильмов ужасов, в котором я побывала, исполняя главную роль – жертвы.

– Аня, – вспомнила я.

– Василиночка, я здесь, я рядом, – подбежав ко мне, присела рядом.

Она что-то спрашивала, а я дав волю слезам не могла поверить своим глазам, что осталась живой. Я вспомнила все! Шейха и то, что он от меня хотел. Вспомнила, как в машину вели и как в ней меня хотели изнасиловать. Укол тоже ни смог не оставить следов, вылезла аллергия после неизвест-

ного препарата и это неплохо, ведь я все вспомнила, когда они разговаривая между собой, надеялись, что я ничего не буду помнить.

Лучи света пробивались сквозь шторы и я поняла, что проспала всю ночь.

– Какой сегодня день? – спрашиваю тихим голосом.

– Воскресенье, – обеспокоено ответила Аня.

– А как я оказалась в своей кровати?

– А ты не помнишь?

– Нет.

– Тебя увидела наша комендантша общежития, а потом подняв шум, тебя наши ребята привели в комнату. Ты была не в себе, в состоянии сильного опьянения. На ногах не стояла и несла какой-то бред про арабов, и про то, что упала с лестницы..

– Я не пила! – остановила ее эмоции.

Аня на удивление мне кивнула, сказав:

– Мне можешь не говорить, я тебе верю, только понять не могу, во что ты ввязалась, Василина?

– Не хочу об этом говорить, – прижала руки к голове, – голова раскалывается, сейчас взорвется.

– Ладно, отдыхай, – встала с кровати поправляя мое одеяло, добавив, – Да, кстати, мама твоя приехала, она сейчас у заведующей, та вызвала ее и кажись поставит вопрос о твоём выселении, – грустно понурила глаза, Аня.

– Я ведь ничего не сделала, за что меня выселять?

– Вася, я сама в шоке.

Она оставила меня наедине с собой и только я успела сменить положение в кровати, как в комнату вошла мама, посмотрев на меня осуждающими глазами, и с презрением покачала головой.

– Мы с отцом гордились тобой, не было ни одной мысли для стыда! Надеялись с отцом, что дочка всем утрет нос, но наша дочь опозорила себя и всю нашу семью!

– Мама, я сейчас все объясню! – медленно встала на ватные ноги и пошатнулась.

– Замолчи! – подойдя ко мне, толкнула на кровать, наклонившись надо мной, – Мне уже все рассказали – про драку, которую ты устроила в общежитии, про тот букет от богатого ухажера, – тычет пальцем в его сторону, – и про араба, с которым ты спишь!

Потупила взгляд, как провинившаяся школьница, до этого дня меня никогда не бранили слова мамы и ни в жизнь так постыдно перед ней не было. От мамы я никогда и ничего не скрывала, мы с ней, как лучшие подруги, делились всеми женскими секретами и не только. Мы с ней разговаривали о моей девственности, о сексе и мужчинах, которые не ценят честь девушек. Я считала, что мама меня понимает и знает, что у меня есть мечта с единственным, и любимым, однако, я ошиблась!

Я спрятала лицо в ладони, готова испариться лишь бы не слышать от мамы такой лжи.

– Мам, я ни с кем не спала! Не спала! Кто тебе наплел такую чушь? – перед мамой я оправдывалась, потому как мама должна знать правду.

Она присела рядом и заплакала вместе со мной.

– А цветы? А твой неприличный приход ночью и слова комендантши, это тоже чушь? – повышает на меня голос с широко открытыми глазами, – Да, ты себя видела? Ты же на ногах не можешь нормально стоять, шатаешься!!

– Мам, не верь никому! Я тебе все сейчас объясню! Мамочка! – я приобняла любимую и родную, самого дорогого мне человека.

Я хотела рассказать, я правда приготовилась выложить все. И про Эмира и про банковскую карту, и про то, как приехала на встречу к нему, но стоило только начать говорить мама изменилась в лице, словно я прародитель всей лжи.

– Мама, я не знаю от кого этот букет. Да, я встретилась с арабом..

– Хватит, хоть бы постыдилась.. У тебя нет ни совести, ни стыда! И я хорошо понимаю для чего ты стала крутить с этим арабом.

– Для чего? – теперь уже встала с кровати я и повернулась к ней лицом.

– Ради денег, чтоб оплатить отцу операцию. Сколько он тебе пообещал?

После такого заявления на душе повис замок обиды, я замкнулась в себе и поняла, это предел того, что должна услы-

шать от меня мама. Больше никому и ничего не расскажу, тем самым уберегу ее от Эмира и всей вакханалии вокруг.

– Что молчишь, я права? – озлобленно пожирает меня взглядом.

– Конечно, мама. Когда ты была не права? – вру, умываясь слезами, добавляя кричу, – Все говорят правду, а я у тебя лживая потаскуха!

Пощечина прилетела мгновенно, следом вторая, мама как будто с каждым ударом хотела, чтоб я одумалась и забрала свои слова обратно, но я с каждым ударом только теряла к ней доверия. Она стала за какие-то минуты для меня чужой.. мамой, но не той, кто хотел меня понять, ни той мамой, которая всегда верила мне на слово. И не той, кто видела насколько сильно я сломлена, и напугана.

– Я не такую дочь воспитала! Не такую! – кричит, дергая меня за рубашку и трясёт, как тряпичную куклу в своих руках.

– Прости, мамочка, мне больше нечего тебе рассказать, – отвернулась к окну и заплакала в голос.

Глава 7

– А вот и хрустящая курочка подоспела, – мама вытащила вилку из розетки и принялась подавать к ужину мясо.

Тетя Милена обрадованно похлопала в ладоши, радуясь:

– Ур-р-а-а!!

На протяжении нескольких минут стояла тишина ни мама, ни я не рисковали вступать друг с другом в диалог, это бы снова закончилось ссорой. Уже около трех дней мама играет в шпиона. Ей всегда кажется, что я по ночам собираюсь к «своему», ею же выдуманному ухажеру, когда я всего-то люблю смотреть на звездное небо по ночам и читать книги, сидя в папином кресле на террасе под светом горящей свечи.

Под рукой завибрировал телефон, мама обратила на него внимания, но я сбросила звонок и продолжила ужинать.

– Кто звонил? – не равнодушно спросила мама.

– Вика, – ответила спокойно я.

– И поэтому надо было побыстрее сбросить вызов, положив телефон экраном вниз?

Милена молча наблюдала за нами, сложив руки на столе, а у меня аппетит пропал из-за постоянного надзирательства мамы.

– Мне надоело все время перед тобой оправдываться!

– Я твоя мать и, как мать, – не дала ей договорить.

– Как мать ты перестала понимать свою дочь, не видишь,

что я давно взрослая и у меня есть своя голова на плечах!

Мама нервно стукнула ладонью по столу, а я в это мгновение поднесла к ее лицу телефон с Викиным пропущенным вызовом.

– Смотри! Внимательно смотри! – меня всю затрясло и лучше сейчас исчезнуть с маминых глаз, чтоб в злости не обидеть ее окончательно.

Вышла из дому и присела на вторую ступеньку крыльца, обнимая руками колени. На плечах такой груз, внутри тоска по папе и по счастливым дням, когда мы все вместе не знали края счастливым моментам. Мы разбиты полностью, до основания и кажется просветов не будет в нашей семье.

– Василина, – обратилась ко мне Милена, присев рядом со мной.

– Тетя Милена, мне сейчас хочется побыть наедине с собой.

– Я понимаю, однако не могу смотреть, как вы с мамой страдаете.

– Я ее перестала узнавать, будто она мне чужая, – призналась я.

– Василина, не воспринимай всерьез мамины слова. Она тебя очень сильно любит, просто сейчас ей тяжело. Травма отца и вся эта ситуация ее надломил, и как мать, и как женщину, сделала слабой, и не дающей ей видеть очевидных вещей. Ею сейчас управляет бессилие и страх потерять тебя, единственную дочку от любимого мужчины. Я уверена, ко-

гда все пройдет и ее боль утихнет, она сама к тебе подойдет и извинится. Так бывает, это надо просто пережить.

– Спасибо вам, тетя Милена, вы всегда подбираете тёплые слова. Я понимаю чувства мамы, ведь и мне плохо, но я тоже не железная терпеть незаслуженные оскорбления, – опустила голову на ее плечо я.

– Наберись терпения, девочка, ведь у тебя еще вся жизнь впереди и столько нужно пережить.

– Поскорее бы все закончилось, – устало вздыхаю я.

– Все образуется, черные полосы закончатся для всех нас, – я услышала всхлипы Милены, – Вот увидишь, обязательно твоему папе сделают операцию и он будет ходить.

– Почему, вы, плачете? – в последний раз я видела ее слезы когда она о сыне говорила.

– Пошли со мной, – взяв меня за руку, она повела к своему дому напротив.

Воспоминание о прошлом приходили одно за другим в тот момент, как открылась большая коробка с вещами похищенного Демида.

Милена на моих глазах гасла и загоралась одновременно с каждой одеждой Демида, которую она достав, прижимала к своей груди и приговаривала:

– Мой сыночек, я бы все отдала за правду о тебе, – подняла на меня скорбный взгляд и я почувствовала, как внутри меня что-то больно карябает по сердцу.

– Он был славный, добрым мальчиком и мухи не обидел.

Спасал котят, принося их домой, кормил бездомных собак и никому слово злое не говорил.

– Я не забыла Демида, – теперь уже я подключаюсь к диалогу.

Милена достала из коробки бусы, вспоминая о том, чего я не знала:

– Я спросила как-то у него.. для кого он плетет браслет, хотя я знала, что для тебя. Он сидя за столом, как совсем уже взрослый сынок, поднял на меня свои серо-карие глаза и ответил, он серьезным голосом тогда дал знать: "Мама, для Василины стараюсь". Я стала выяснять зачем? Мне интересно, хотелось понимать сына, а он мне прямо так и сказал: "Чтоб дружила только со мной!"

Я уже не могла сдерживать слезы, мне по сей день больно вспоминать случившееся. Горько признавать, что Демида нет рядом и навряд ли мы его когда-то увидим. Прошло десять лет с того времени, а душа страдает до сих пор, словно все произошло вчера. Тетя Милена каждый день ждет и от безысходности хоронит, неоднократно повторяя, что у отца Демида – Башара не дрогнет рука убить собственного сына.

– Ваша детская любовь могла бы перерасти во взрослые и сильные чувства, – перебирая бусы в руке, смотрит на меня, трогая мои пряди волос свободной рукой, – Я знаю, что говорю.

Я кивала, потому что согласна с ней. Демид моя первая, детская любовь! И я не смею себе забывать про него. И так

же не позволяю Милене прекратить душераздирающие разговоры о нем. Она мама, ее сердце можно понять, поэтому стояла и выслушивала все что накопилось у неё на душе.

– Возьми, – Милена надела на руку мне браслет, – это второй подарок от моего сына, – сказала грустно.

– Спасибо. И все же вам не нужно так говорить об отце Демида. Это каким животным нужно быть, чтоб убить родного ребенка? Нет, я в это не верю и вам запрещаю так думать! – утешающе глажу тетю Милену по спине.

– Какая же ты ещё совсем незнающая жизни. Хорошая и светлая, девочка. Но жизнь, Василина очень жестокая и эту жестокость я до костей испытала на себе. Давай присядем, – приглашает на кровать, которая стоит у печи.

– Соглашусь, мне еще многое предстоит поведать, только убить своего ребенка это слишком, невозможно, – высказала я. Домыслы Милены о Башаре были похожи на безумие и не укладывались в моей голове.

– Я твоей матери один раз рассказала и пообещала себе, что забуду все как страшный сон, но сколько бы я не старалась, такой ужас забыть невозможно. А особенно если этот кошмар забрал моего мальчика.

Я сидела рядом с тетей Миленой и внимательно слушала о ее детстве, что она из детского дома и, что после него ей некуда было идти, и женщина подалась за подругами в эскорт.

– Я тогда, совсем юной была, – вглядывается куда-то вдаль

и продолжает, – Мне восемнадцать лет, мечтаю влюбиться и выйти замуж, как все нормальные девчонки, но у моей судьбы другие планы, – пауза, вытерла платком слезы, вспоминая, – Меня привезли в Каир.

– Насильно? – опешив спрашиваю я, получая отрицательный ответ.

– По собственной воле, для сопровождения молодого и очень красивого шейха Башара. Таких мужчин я никогда не видела и влюбилась с первого же дня нашей встречи.

Мне нравилось в Милене откровенность и честность, да именно симпатизировало в ней то, что деньги ее меньше всего интересовали. Она нуждалась в них, однако мечтала о шейхе и его любви.

– И что было потом? Вы стали его наложницей? Любовницей? Женой, ведь не берут русских! – вспомнила слова Эмира, который предлагал мне награду, если я отдам ему свою честь.

– Откуда такие познания, пусть конечно и не достоверные?! – удивленно приподняла черные брови.

– Да-а-а неоткуда, я предположила, – сорвала я.

– Башар стал первым и последним для меня мужчиной. Я потом узнала, что я всего лишь – вещь! Я его игрушка и не более, оттого что у него на тот момент была жена. Законная и единственная! Я надеялась, что забеременеть смогу до того, как уеду на родину и его сердце все таки потеплеет ко мне, как-никак его жена не могла забеременеть и даже ходи-

ли слухи, что у него какая-то болезнь, и наследников ему не видать.

– Простите меня, тетя Милена, за то что я сейчас собираюсь спросить. Есть вероятность, что Демид не родной сын Башара?

– Исключено! – поспешила с ответом, – Я принадлежала одному мужчине, это что-то вроде постоянного клиента! Да и я хорошо знаю Башара, он сначала убедился в родстве с Демидом, а когда получил положительный результат, то забрал сына к себе! Мой сын для него – чудо! Шанс для власти!

– В таком случае, Демид жив, если как вы говорите других наследников у Башара быть не может!

– Василина, а почему сынок тогда не возвращается к матери? Я не верю, что он меня забыл или забыл место, в котором он родился! – снова и снова плачет то громко, то тихо, а я не знаю, что ей ответить.

– Вы после похищения Демиды видели этого Башара?

– Я ему не интересна, он получил то, что хотел, – нервно ответила она.

– А как вы родили Демиды, что Башар не узнал сразу о сыне, а узнал только через десять лет?

– Я сбежала с Каира, потому что Башар превратился в дикого животного. Он убивал всех, кто смеялся над ним или хотя бы бросал косые взгляды в его сторону! И меня пожелал убить. Наигрался и я не дала ему желанного ребёнка!

– К-как? Как у вас получилось сбежать?

– Добрые люди помогли. А по приезду я пряталась, где только могла. Потом узнала, что беременна. Купила дом этот, – осматривает его глазами, – у алкаша за гроши и стала обживаться потихоньку, – пауза, – маме твоей спасибо, – погладила мои руки, – Мы вместе в роддоме лежали, она тобой беременна, а я Демидом, так и подружились с Ольгой.

– Не боялись, что Башар найдет вас? – я не сомневалась в смелости женщины.

– Ужасно боялась и как видишь не зря. Самое главное это то, что он знал где я и с кем, просто играл, пока не пришло мое время расплаты!

– Это какой-то ужас не поддающийся пониманию и реальности! – разозлилась на этого Башара и нервно сломала заколку в руках, которую сняла со своих локонов.

– Арабы не считаются с женщинами! – Милена приобняла меня к себе и ласково, по-матерински стала гладить по волосам, – Для мужчин красного солнца, мы низшая раса, Василина! Они очень коварные и злопамятные, им нельзя отказывать. Слово "нет", может стать последним ответом для женщины, – резюмировала она.

Я бы засомневалась в рассказе Милены, но только не после собственного ужаса, через который пришлось лично пройти. Что-то подсказывало мне, тетя Милена не все поведала, оно то и понятно, сама боюсь вспоминать тот день с шейхом. Дикое желание никогда не вспоминать животные поступки арабов.

Глава 8

– Доченька! Дочка! – хлопок дверью и мама стоит на пороге вся раскрасневшаяся от слез, расплывается в нежной улыбке.

Мы с Миленой стоим, переглянувшись друг на друга, недоумеваем, начинать плакать или улыбаться маме?

– Что? – делаю шаг вперед к маме навстречу.

– Позвонили! Они позвонили! – прокричала мама, поднимая молебно глаза вверх, безошибочно обращается к Богу, – Господи, спасибо тебе!

– Объясни нормально, кто позвонил? – стою уже перед ней в предвкушение хороших новостей с замиранием сердца.

Из-за череды черных полос не сразу до меня дошли мамины слова, всё-таки люди быстро свыкаются с черным, а к белому и доброму нужно прийти осознанно.

– Повторяю, с фонда позвонили! Есть же в Мире неравнодушные люди! – не успев взвыть от радости, как мама крепко, крепко прижала меня к себе и поцеловала. К нашим нежностям присоединился Милена.

– Ну слава Богу! – выдохнула с облегчением Милена, – И когда? Когда сделают операцию? – и меня интересовал этот вопрос, поднимаю на маму глаза.

– Завтра! – радостно кричит, – Завтра уже Серёжу прооперируют в Израиле!

Как я долго ждала этого момента, вроде прошло совсем ничего дней, а казалось, что прошла целая вечность. Вечность – ради, которой и из-за, которой мы с мамой не спали ночами. Торговали на дороге овощами, фруктами, продали все что только можно было продать, недосыпали и даже не доедали, и оно того конечно же стоило. Папа поступил бы точно так же, случись с кем-то из нас такая беда. Я знаю, видела его – горем убитого, когда маме поставили страшный диагноз "рак молочных желез" а я тогда совсем маленькая была. Четырехлетняя девочка не знала, почему мама так долго лежит в больнице, а папа по ночам плачет? Папа победил мамину смерть, обманул горбатую! Маму так же успешно прооперировали, да она без красивой груди, однако осталась жива и здорова!

– Мам, так надо собираться и лететь с ним, пошли собирать вещи.

– Доченька, я одна с ним полечу в Израиль, а ты проходи практику и следи за домом, – давно я не видела ее такой беспечальной и спокойной.

В душе все стало спорадически расцветать, когда мама бегала из угла в угол комнаты к сумке с папиными вещами, не забывая меня с любовью обнимать, успокаивая:

– Все будет хорошо, доченька, не переживай. Это буквально на пару недель, не успеешь даже соскучиться, как мы вернемся с папой домой, – застегивает сумку и снова ко мне подходит, – Ну чего ты загрустила?

– Я люблю тебя, мама. Я безумно вас с папой люблю, – нежно обнимаю маму, прежнюю мамочку, которая теперь похожа на ангела в обычной своей манере. Признаться, соскучилась по ее таким объятиям, да я не ребенок, но мама права, я всегда буду маленькой для нее и сейчас я хочу быть ее маленькой девочкой. От нее всегда веет ванилью и парным молоком.

– Доня, доченька, – ласково называет и начинает проводить по моим белокурым распущенным локонам, извиняясь, – Ты, прости меня за обидные слова, я не хотела, это всё обстоятельства и не иначе, – я понимаю, молча кивала головой.

Я могла и уснуть на материнском плече, только не успела опомниться, как мама села в машину с дядей Валерой, а я этим временем, уже машу им вслед рукой и с непонятной тревогой на сердце плачу.

Всю ночь я провела на кухне, мне надо было отвлечься от винегрета в голове. Невысказанные мысли одна за другой посещали, я гнала их прочь, но одна прицепилась клешнями и била по нервам, как по обожженным струнам отчего чувствовала себя беспокойно. Подняла телефон и набрала мамин номер, чтоб сказать то, что из-за своего дурного характера не смогла произнести. "Мама, прости меня". Надо было тоже извиниться перед ней, ведь она моя мама, но линия гудков сменилась на "Абонент не доступен или находится вне зоны действия сети". Я представляла, как она рядом с

папой сидит в самолете и волнуется за него, а еще я чувствовала непонятную тревогу и страх, которым не могу сейчас дать объяснения. Именно сейчас мне хотелось рассказать ей обо всем, что со мной произошло в ту ночь, никому больше, а только самому верному и понимающему человеку – маме! Снова и снова набираю ее номер, а там по-прежнему нет заветного: "Слушаю, доченька". Сообщением писать считаю не правильно, хотя.. чем отличается телефонный разговор от сообщения? Конечно же ни чем! Правильнее всего если по возвращению расскажу ей правду.

Легла на диван в кухне и проснулась уже обнимая лицом книгу. Свет горел, а на столе стоял недопитый мною, холодный чай, который я с удовольствием сербала за прочтением любимого романа известного писателя восточных бестселлеров. В голову пришла ясность, сегодня же понедельник, а значит – практика! Из-за всего пережитого потерялась во времени и днях. За открытым окном пели птицы утренним чириканьем, и сквозняком до меня доходила прохлада августа. С диким удовольствием чешу болезненные укусы комаров, как они меня не сожрали за ночь? Теперь придется одеваться в мешковидное платье, чтоб скрыть красные точки на ногах и руках.

– Ва-се-ли-на! – слышу голос парня за окном. Это Роман, он в последнее время по выходным снимает домик у озера, а после отвозит меня на практику.

Наше общение не испортилось из-за того случая в обща-

ге, он на деле показал, что мне верит, а тому кто распускать слухи любит, чистит морды. Мне пришлось видеть воочию, как парень одним ударом отправил одного амбала в нокаут, только из-за того, что тот решил пошутить, предложив мне деньги за секс. За неделю я узнала о Роме достаточно, чтоб ему доверять, как другу. Он и с мамой моей успел познакомиться и с тетей Миленой, которая по понятным причинам его не признала. Вика просит присмотреться к парню, хотя я, итак, вижу для чего Рома старается всем понравиться и угодить. Не к чему тянуться, меня его ухаживания только лишь отталкивают, пугают и не более. Не мой! Чужой он для меня, а, то есть совсем не для меня. Мы разные с ним, конечно я не отрицаю, можно построить крепкий брак, семью, однако с ним я не буду по-настоящему счастлива. Я однолюбка! И боюсь, что построив с ним брак влюблюсь в другого мужчину, и до конца своих дней буду причинять ему одну боль и лгать. Он этого точно не заслужил, да и я не смогу изменять, поэтому Рома не для меня. Каждый раз пытаюсь ускользнуть от его ухаживаний, якобы не заметных для меня поцелуев и еще кучу всего того, что от него отталкивает.

– Ва-си-ли-на!

– Да иду я, иду! – встаю с дивана цепляя кружку рукой, – Ну что за утро?! – быстро поднимаю кружку с пола и с грохотом ставлю ее на стол, вытираю ноги и мокрые шорты полотенцем.

– Доброе утро! Тебя надо было Соней назвать. Снова про-

спала? – стоит у калитки в джинсах и в белой рубашке.

– Не доброе оно совсем! И да, я проспала, но сегодня мне к двенадцати, а сейчас только девять утра, – подхожу к нему, облокотившись на открытую калитку.

Стоит смотрит. Глаза оценивают мои ноги, плавно переходят неприятным блеском на грудь. Я поежилась на месте, сменив позу.

– И..? Так и будем молчать? – начала я.

Он сглотнув, задумчиво отвел глаза в сторону, осмелился:

– Ну раз не я ни ты никуда пока не торопимся, может гоу на озеро? – протягивает он тихим голосом, зажав в зубах тонкую ветку травы, – Искупаемся?

– Я не хочу, – сразу ответила.

– Значит, не держишь обещания?

– В смысле? – так же серьезно ответила.

– Вась, уже не смешно. У тебя что проблемы с памятью?

Я нахмурила брови и он продолжил:

– Вспоминай, просьба твоей подруги и ты сказала, что покажешь мне пару лучших своих заплывов брассом и кролем.

Меня будто стеной бетонной придавило, когда я вспомнила выходку Вики, а точнее подставу перед Ромой. Уж эта коза знает, как меня загнать в угол, чтоб не отвертелась я.

– Речь шла про бассейн, – устало вздохнула, – ну ладно. Будет тебе показательное выступление. Я только переоденусь не в этом же нырять, – представляю свой наряд во всей красе, а точнее в ужасе.

– Ну, а что? – подшучивает он, – Нормально выглядишь, хоть глазеть никто на тебя не будет, останемся наедине на всей поляне.

– Еще предложи фартук рабочий дяди Валеры надеть, тогда ни то, чтоб на поляне никого не будет, от меня все село шарахаться будет, как от проклятой! – кривляюсь и ухожу, а он выкрикивает мне вслед.

– Купальник не забудь надеть!

Он всегда такой шутник, я уже привыкла. Ловелас, чтоб его!

Глава 9

Торопливо вылезла из кабинки душа, накинула халат на плечи и подбежала к разрывающемуся от звонка телефону.

– Алло, – отвечаю на неизвестный номер.

– Алло, Василина, тебя беспокоит секретарь из компании, в которой ты проходишь практику, – милый, женский голос пропел с той линии.

– Да, я вас слушаю, – сосредоточенно ответила, готовая выслушать причину звонка.

Секретарша стала для меня кем-то вроде куратора в моих начинаниях, раздавала указания директора и с таким же удовольствием следила, как шпионка, предупреждая о пинке под зад за любую возможную ошибку, пусть и из-за нехватки у меня опыта. За время моей практики, к счастью у меня все в руках горело. Я со скоростью света переводила текста: договоры, уставы и кучу всего, что кидали мне на стол начинающего лингвист-переводчика. Секретарша только и успевала удивляться, поднимая свои нарисованные брови поправляя очки. Я несколько раз уже успела побывать переводчиком директора, потому как с его слов: "лучший его переводчик" находится в отпуске за границей, а других он не хотел нанимать. А я предполагаю что здесь все намного проще чем кажется – я не нравлюсь секретарше вот она и придумывает разные ловушки мне. Но она видимо не осознаёт, насколько

ко моя ошибка может стать для них всех разрывом партнерских отношений и большим скандалом. Как бы там ни было, я стараюсь преподнести себя правильно и что-то мне подсказывает, я останусь в компании надолго. Однажды секретарша вышла из кабинета директора вся раскрасневшаяся, поправляя юбку и тогда я все поняла. Она его любовница или так "штучка для снятия стресса" и по непонятным мне причинам ревнует меня, когда я даже, и не думаю о романе на рабочем месте.

– Василина, Андрей Витальевич попросил, чтоб ты приехала и как можно скорее.

– Что-то случилось?

– Не задавай вопросов. Приезжай, мы тебя ждем, – деликатно предупредив, добавила, – А да и возьми с собой паспорт, – секретарь положила трубку, а я стояла еще минуту в напряжении, пока не услышала с улицы голос Ромы.

В дом я парня не пригласила, поэтому стоял за калиткой, где лаяли наши собаки.

Второпях надела черные брюки с голубой блузкой, а волос подняла в аккуратный пучок.

Выйдя за калитку, Рома сидел на лавке и гладил вдоль хребта нашего подкидыша котенка.

– Ром, – нарушила тишину я.

– Неужели, – встал с лавки, – я думал не дождусь! – жестом указательного пальца нарисовал круг, отмечая мой образ, – Ты-ы, в этом собралась на озеро?

Я тяжело вздохнула предвидя его реакцию, едва я начала объяснять, как он:

– Вот я кретин! Ты, же и не собиралась даже провести со мной время!

– Собиралась, Рома.

– Вот именно собиралась! – повышает тон голоса, а мне от этого ни холодно и не жарко. Мне ровно на его чувства, как и ему на мои обстоятельства.

– Ром, я понимаю тебе обидно, – на самом деле я ничего не понимала, а сказала так ради уважения к нему. Мне его жаль как парня, он добивается взаимности, бежит ко мне, пишет, звонит, а я не могу дать ему желаемых отношений, – но я же не виновата, что мне позвонили с компании и требуют моего срочного приезда, – надеюсь на прекращение его вспышек.

Подступил ко мне так близко, что я интуитивно сделала шаг от него.

– Василин, стань моей девушкой? Ты, мне сильно нравишься, – смело с его стороны.

– Ром, – я протянула руку вперёд, дабы не дать ему зайти за черту, – прости. Нет.

– Почему? – смотрит мне прямо в глаза и упорно двигается вперёд.

– Я говорила..

– Любовь приходит с годами, я дам тебе время привыкнуть к себе, – протараторил он.

– Как ты не поймешь, что привычка – не любовь. Я не хо-

чу сделать тебя или себя рабами, ведь сердцу не прикажешь. Поэтому, мы можем быть друзьями и не более! – безапелляционно заключила я.

– Мне мало дружить, давай попробуем большее и я буду действовать?

– Большого и не проси. Нет. – стою на своем.

– Тебе никто не запрещает противиться, все равно, рано или поздно будешь моей! – мне не понравилась его кривоватая улыбка, да и глаза блестели от злости, а скулы на его загорелом лице нервно дергались, отчего сердце трепетно забилось в груди.

– Я лучше пойду, – стоило мне подойти к машине у открытых ворот, где нет собак и ворота выше человеческого роста, как Рома навалился на меня всем своим телом. Придавил к машине и тяжело выдыхая мне в макушку, прошептал:

– Будешь моей и точка!

Я поймала дежавю. Фактически такой же страх, как и со старым шейхом тогда в ресторане. Я вся затряслась, а ноги подкосились в коленях и я не своим голосом завопила:

– Не надо!

Рома руки не распускал, я не чувствовала себя униженной его словами, лишь оставалась зажатой, как банный лист. Меня пугал сам поступок парня, хоть и знала, что он себе лишнего не позволит.

Отпустил, а я резко развернулась и дала ему звонкую пощечину.

– Уходи! – слезы хлынули ручьём, не от обиды, а скорее всего от душевной боли, которую мне причинили арабы.

Рома прижал руку к своей щеке и с сожалением стал извиняться:

– Тиши, тиши. Я.. я не хотел тебя напугать, – тянет меня в свои объятия, – Даже не знаю, что на меня нашло, – я отпихнула его от себя.

– Пожалуйста, Ром, уйди! – закричала громко и поспешила сесть в машину, услышав в спине тону извинений.

Я уверена Рома бы не позволил себе зайти далеко без моего на то согласия. Здесь дело во мне, а не в ситуации между нами. Мне иногда снятся кошмары и в них за мной гонится шейх из Каира, а я словно онемевшая в ногах, еле как шагаю, стараясь ускорить темп. Я вижу во снах пустыню, где жутко парит красное солнце и вокруг ничего живого, лишь горячий жёлтый песок. Просыпаюсь в холодном поту вся взмокшая со слезами на глазах. Хорошо, что моя комната на втором этаже, а мамина с папой на первом и она не слышит моих криков по ночам.

Я подъехала к месту и так же припарковалась на парковке у супермаркета. Толпы людей в обычной манере заходили и выходили из супермаркета. До меня дошел запах пряностей, свежих булочек и желудок скрутило в узел от голода, но ни времени, ни лишних денег не было, даже на малость такого удовольствия. До стипендии далеко, а денег хватало только на топливо и продукты, чтобы продержаться до конца меся-

ца. Каждый рубль дорог и это вынуждало воздержаться от лишних затрат, и времени для репетиторства, как оказалось не хватало.

Поднявшись на лифте, я сразу же направилась к кабинету директора.

– О, а ты быстро, – мне навстречу вышел Андрей Витальевич, – Ну заходи, разговор есть.

Я мило улыбнулась, поприветствовав его и зашла за ним в кабинет.

– Что ты будешь, чай или кофе? – предлагает вежливо, коснувшись кнопки телефона на столе. Видимо, разговор предстоит долгий, я вздохнула с облегчением, всё же меня не погонят, как я переживала.

– Зелёный чай, если можно.

Мужчина согласно кивнул и отдал распоряжение:

– Принеси чашку зелёного чая, ну, а мне как обычно, – присел на стул, расслабив свой галстук.

Он нервничает или мне показалось?

– Как дела? – спрашивает любезно.

– Хорошо.

– Как к тебе коллеги относятся, никто не обижает? – крутит зажигалку в руках.

– Нет, все хорошо. Я что маленькая, чтоб меня обижать, – улыбнулась, негодуя о его интересе.

– Василина, поверь козлов хватает. А ты вон какая, хрупкая, маленькая и добрая.

– А почему, вы, спрашиваете, кто-то мне угрожает?

– Пусть только попробуют обидеть мне тебя, – авторитетно заключил и вопросы все разом отошли на задний план.

Секретарша вошла в кабинет и походкой от бедра подошла, поставив перед нами на стол поднос с заказом.

– Приятного чаепития, – светится от радости, что совсем на нее не похоже. Всегда с каменным лицом смотрит, если я сижу у директора, а тут прям сама доброта вселилась в девушку.

Так и цокает своими десяти метровыми шпильками, виляя ягодицами, отчего у Андрея Витальевича образовалась в уголке рта слюна, которую он облизнул языком, прикусив нижнюю губу. Да уж картина.

– Андрей Витальевич, вы, хотели о чём-то со мной поговорить? – перехожу к важному.

– Да, да.. – провожает секретаршу похотливыми глазами голодного самца, а после переключает на меня деловой взор, – Как твой отец? Уже в Израиле?

– Да, – коротко произнесла, – А вы откуда знаете? – хлопаю глазами.

– Василина, я честно признаюсь, твоя боль и вечно грустное лицо пробудили во мне совесть. И я не смог делать вид, будто меня не зацепило, тем более, когда есть связи, чтоб помочь твоему отцу. Сегодня ты спас жизнь, а завтра или когда-нибудь тебе протянут руку помощи. Это жизнь, девочка, – говорил грустным голосом с нотками жалости и сочув-

ствия. Ранее я не замечала за ним такого, но ведь всем свойственно ошибаться в людях.

– Так это вы перевели недостающую сумму в фонд? – аж подпрыгнула на стуле от его слов.

– Да, Василина, я, – спокойно отпил из чашки кофе, – Честно сказать, сложно было выделить деньги, когда ты занимаешь такую должность. Сразу все службы безопасности начинают тебя проверять, кто-то от зависти старается уку-ситься, чтоб занять твоё место. Вот сегодня приехала налого-вая и отдел экономических преступлений, всё перерыли как кроты, – выругался он на эмоциях.

Мне стало не по себе. Не знала, что и сказать ему, какие слова подобрать.

– Извините, не нужно было так рисковать, – я не разбира-лась во всех его делах, однако видела, как мужчина волнует-ся и за моего отца и за всю вакханалию, которая упала на его широкие плечи, – И я вам искренне благодарна, вы сделали нереальное для меня и моей семьи. Бог вам обязательно от-платит, тем же добром, я уверена. Спасибо.

– Не благодари за добро, я сделал то, что было в моих си-лах. И не капельки об этом не пожалел, – он встал со стула и подойдя сзади легко коснулся моих плеч, сказал тихим голо-сом, – Я сам отца потерял по молодости, его сбил, местный мажор и скрылся с места аварии, ах если бы он вызвал ско-рую, – его голос дрожал, – Если бы он вызвал сразу скорую, то отец мой остался бы жив!

Он продолжает что-то говорить мне, а у меня слезы на глаза наворачиваются. Как же жизнь не справедлива!

– Ладно, хватит о грустном, надо продолжать жить настоящим! – отошел к столу и присел.

– Василин, ты, паспорт с собой взяла?

– Да, а зачем он вам? – вытираю слезы.

– Успокаивайся, а то буду сердиться.

– Извините.

– Я понимаю, – прошептал он, вытирая платком следы пота со лба, – Ты, чай то пей, а то холодный невкусный станет.

Я сделала пару больших глотков и в маленькой чашке остались лишь капли чая.

– Спасибо, чай и вправду вкусный.

Андрей Витальевич промолчал и занялся мобильным телефоном, серьёзно что-то в нем разглядывая.

– Так зачем вам мой паспорт? – переспросила я, положив его на стол директора, только мужчина меня словно не слышал, – Андрей Витальевич, что-то случилось? – он заметно побледнел и назвал шепотом крупную сумму денег, которая мне даже и не снилась, а после обратился ко мне.

– Случилось, моя дорогая девочка, – усмехнулся, вставая из-за стола, – Я только что, тебя продал!

– Что? Я не расслышала..

– Пришло время расплачиваться, девочка! – ядовито зашептал от чего-то такого, что ему явно приносило удовольствие.

– О, о..

Я хотела спросить, о чём он? Только меня ни с того, ни с сего стало клонить в сон. Веки невольно стали закрываться, но я старалась не закрывать глаза и встала на ноги.

– Тиши, тиши. Держу тебя..

Глава 10

Я пришла в себя оттого что мне страшно хотелось пить. Невыносимо сильно так что казалось в горле всё разодрано до мяса. В ноздри забился тошнотворный затхлый запах, закрытого наглухо помещения и сильная тряска вызывала тошноту. Я сделала несколько вдохов, чтобы унять приступ удушья и позывов к рвоте. Казалось, что я всё ещё сплю, темно как в бездне. Я пошевелилась и тут же вскрикнула от осознания, того что я здесь не одна, есть ещё кто-то. Услышала булькающий звук с натуженным дыханием, кого-то явно рвало до степени захлебывания и этот кто-то держался за мою ногу, а через пару минут отпустил ее. В темноте повисла гробовая тишина, а потом снова раздались ужасающие вопли со стуком по железному полу. Нас явно куда-то везли, но никак людей, а как скот забившийся в угол от происходящего ужаса. Духота и затхлый запах мочи нагонял дикую панику, от которой я в темноте рыскала место по комфортней. Ползла на четвереньках сама не зная куда. На меня что-то тяжелое упало, после того, как освободилась, то ясность пришла в голову, что это была девушка, она шёпотом молила о помощи. Прижалась спиной в углу и ни звука не издавала, а другие громче, внутриутробно стали вопить, они поддались панике и началась какая-то возня между ними. Внутри зазвонил колокольчик нужд, но я не опускаюсь до степени животных и

не пойду под себя, если только от страха, который предстоит еще испытать. Куда нас везут? Зачем? Прекрасно помнила слова Андрея Витальевича, однако до сих пор не верю, что это могло произойти на самом деле. Как продать? Я что вещь? Я человек и имею права на свободу. Может это все розыгрыш и нас снимает скрытая камера или может я прохожу квест, который в скором времени закончится, и нас всех отпустят? Я правда надеялась, пока не услышала за железными стенами машины залпы выстрелов и крики мужчин. Машина остановилась, снова гробовая тишина, а в темноте повис мрак смерти, который окутывал в свой липкий плен. За пределами, за местом, где мы находились, я слышала ржание лошадей и кто-то точно знал, что находится внутри этого автомобиля. Это арабы, они говорили о ключах и какой-то торговле. Первый удар, второй и в темноту просочился дневной свет. Сначала я зажмурилась, но, а после медленно стала открывать веки, прикрывая локтем глаза. Внутри находились девушки, они надеялись на спасение, кто-то пополз к выходу, а кто-то встал и пошёл, но не я. За телом смуглого араба раскинулся вид пустыни, жёлтый песок и палящее солнце, всё как в моих кошмарных снах.

Показались ещё трое у выхода, на них были шаровары и грязные рубашки до колен, а голову покрывали тряпки. Их вид не успокаивал, а наоборот, вселял кошмар, в особенности оружия в их руках.

Когда я не вышла, то один залез ко мне в машину и схва-

тил меня за волосы, вышвырнул из помещения. Упала лицом в горячий песок и тут же подскочила на четвереньки. Песок попал в рот и глаза, он обжигал, словно меня окунули в раскаленные угли.

Нас построили в одну линию, направив на нас оружия. Рядом стоявшая девушка тихо простонала, чтоб я опустила глаза в пол, иначе мне не поздоровится. Они все опустили головы вниз, будто склонились перед ними, только не я.

– Ты, свинья! – на арабском прорычал их главарь, у которого нет двух передних зубов и со рта воняет так, что меня чуть было не вырвало прямо на его рваные сандалии.

– Я человек! – в ответ на мои слова ударил мне в солнечное сплетение, отчего я тут же упала от боли, скрючившись в бараний рог.

Наклонившись, он заливисто засмеялся прямо мне в лицо, а я плюнула в его вонючее, грязное рыло.

Схватил за волосы сзади и прокричал:

– Я тебя разорву, каждую твою дырочку попробую, ну, а потом скормлю шакалам или отдам своим людям!

Неожиданно, стоявшие девушки разбежались, как букашки по сторонам и тот урод без передних зубов кинулся в их сторону вместе со своими шакалами. Есть у меня, пусть и маленький, шанс бежать, только вот стоило сдвинуться с места, как меня кто-то ударил по голове с такой силой, что искры из глаз посыпались, и я погрузилась в липкую темноту.

Непродолжительный сон, в котором мне снился дом и ма-

ма с папой. Лучше бы я умерла во сне и не увидела, то что не поддавалось человеческому объяснению. Мои руки связанные за спиной, а ноги были в цепях, где длинная цепь вела к уроду, что сидел на песке и смотрел на..

Мамочка, помоги! Господи! На моих глазах обнаженные мужчины, точнее животные, ведь настоящие мужчины бы так не поступили, а люди тем более, ни в жизнь, ни за какие награды они бы не стали насиловать беззащитных девушек. Играла мелодия смерти, вакханалия из рычания оголодавших стервятников и воплей от боли девушек с окровавленными лицами и телами. От ужаса я дрогнула и цепь издала шум, на который сразу же обратил внимания этот урод. Оскалился и побагровел в уродливом со шрамом на щеке лице.

– Пошалим, маленькая сучка?! – дернул цепь, таща меня к себе.

Я сопротивлялась, как могла, однако хвататься не за что, как и нечего взять в руки для самообороны. Поймал за ногу и дернул к себе, навалился сверху, а я содрогалась в истерических криках, старалась пинать его ногами и кусаться зубами, пока он не выгнулся в дугу с широко открытым ртом и оттуда не хлынула кровь стекая прямо мне на шею и лицо. Оттолкнула резко его от себя и окаменела. Мне теперь точно конец.

Передо мной стоял огромный мужчина с окровавленным ножом, который похож на кинжал. Его массивное, довольно

высокое тело загораживало само солнце, если он нападёт на меня, то раздавит, потому как в десятки раз больше того, кто сейчас лежит рядом заливая песок своей кровью. Неизвестно радуется он или злится, под синей куфией не видно, ткань закрывала лицо, оставляя лишь открытыми глаза, в которые не хотелось даже смотреть. Мне приходилось видеть Эмира, здорового подобно высоченному столбу, но и Эмир теперь на фоне этого в тени. Мужчина казался скалой, гигантом, кошмаром в моих глазах. Нет, я быстрее умру под ним до того, как он начнёт меня насиловать. Мое тело не примет такого. Кем бы он ни был, но меня спас, хотя здесь можно и поспорить, потому как я не знаю причину такой гуманности. Мне до мурашек на теле страшно шелохнуться, его давление надо мной сильнее моего "Я". Зажмурила глаза, лежа на песке с завязанными руками сзади. Я понимаю, что ничего не могу сделать и оттого слезы начинают жечь глаза, а грудь бьется в истерике.

– Эта та девушка, – до боли знакомый мужской голос и меня чьи-то руки посадили на песок.

– Открой глаза, – звучало без акцента на русском языке.

Когда открыла то встретила с ним глазами. То ли от страха, то ли от шока не могла разглядеть цвет глаз и тут же их снова закрыла.

– Страх – это хорошо, особенно для женщин.

Мои губы задрожали, я кусала их до боли, лишь бы отвлечься, но выходило не очень.

– Открой глаза. Больше повторять не стану, – меня вынудили.

– Тронул? – я не сразу поняла о чем меня спрашивают, пока мой будущий палач не пощекотал мои нервы, опуская свои глаза на разорванную рубашку на груди.

Мне стало стыдно, ведь никто из мужчин не видел меня полураздетую.

Если я отвечу, что не трогал никто и никогда, меня пощадят или наоборот воспользуются?

– Шармут здесь тра*ают, обхаживают сотни грязных мужиков, – он как будто мои мысли прочитал, давая ответ.

– Никто и никогда не..

И слезы снова покатались. Что за вопросы у них?

– Я домой хочу. Я к маме с папой хочу, – заплакала, надеясь на доброту.

– Тогда, добро пожаловать! – и я обратила внимания на другого мужчину. Это был Рамиль, человек Эмира.

Вот значит кому меня продали, тому обезумевшему шейху.

Мне развязали руки, освободили ноги от цепей и даже дали воды, только и трех жадных глотков не успела сделать, как тот, кого я теперь больше всего боялась, выхватил флягу из моих рук.

– В пустыни самое бесценное – вода. И ты, даже капли ее не стоишь, чтоб так жадно пить, – закрыл и передал Рамилю, а после кинул мне в ноги на песок, кусок сухаря, приказыва-

вая, – Теперь ешь, дорога до Каира нелегкий путь.

Со мной так никто и никогда не обращался, есть с земли самое унижительное, что я слышала от араба.

– Я не стану есть с земли. Я человек, а не животное, – знала, что не убьют, ведь для самого Эмира меня сюда привезли, – Это вам здесь всем свойственно дикарями есть с земли, – о своей дерзости я пожалела сразу же, но лучше пусть умру от пыток, чем останусь старику.

Араб схватил меня своей пятерней и больно сжал подбородок, зарывчав уже на арабском:

– Ты отказалась от своего завтрака, а ужин ещё не скоро. Я думал ты не глупая, а ты оказалась идиоткой!

– Мне больно, – всхлипнула я.

Он отпустил, наверное, от его огромных шершавых лап у меня останутся синяки.

– Это не боль, девочка. Вот им больно было, а тебе повезло, – Рамиль указал рукой на окровавленных девушек, которые до сих пор лежали не сводя ног и стонали. Как оказалось не все, одна лежала с заплаканным лицом и закрытыми веками, она совсем не дышала. Ветер трепал ее русый волос, а я мысленно с ней прощалась. На вид она младше меня, худенькая и маленькая. За что так с ними? Меня поразили этот ужас и я сама того не поняла, как опустилась на колени и стала быстро раскачиваться вперед и назад.

– Мамочка.. Мамочка..

Меня душили слезы, горло сдавливало невидимым жгу-

том, ведь в мире этих чудовищ нет места состраданию и сочувствия. Я уже поняла, что силой здесь принуждает и отбирают самое ценное у женщин. Вокруг пустыня, я одна со своей невинностью, глупостью и наивностью, потому что была бы я серьёзней к некоторым вещам, то не попала бы в лапы этим животным.

Я слышала, как Рамиль за спиной говорил, что меня везли в Каир для Шейха, а остальных купили для местных и то, что на нас напали бродячие без какого-то либо титула арабы.

– Бахти, что с ними прикажешь делать?

– А ты не знаешь, что в таком случае делают?

– Я понял, прикажу нашим отвезти их в деревню, пусть отмоют, причешут, оденут и работать. Рабыни нам нужны, пусть помогают пожилым, лекарям и таскают камни для строительства.

Он сказал рабыни? Я повернула голову в их сторону и тихо прошептала:

– Я тоже хочу с ними, – если удача не отвернется и я окажусь с девушками, то будет шанс сбежать.

Рамиль засмеялся, а тот прищурил глаза и я увидела в тех глазах языки пламени.

– И что ты будешь делать? – протянул он.

– Я владею многими языками, могу быть переводчиком. Мой отец научил меня ухаживать за лошадьми, а мама научила не бояться работы.

– Вот и послужишь нашему господину в постели, – Рамиль

вставил свой ответ.

– Я что-то не помню, чтоб давал тебе слово Рамиль, – голос Бахти звучал спокойно, сдержанно.

– Не давал, извини, – пробубнил Рамиль и направился к другим арабам, которые поднимали девушек с песка.

Кто этот Бахти?

Он подошел ко мне сзади и поднял, взяв за плечо.

– Тебя продали моему отцу, ты его собственность, – заключил он.

Глава 11

Я скорее не узнавала себя, как и теряла всякую надежду вернуться домой. Заставили надеть чёрное платье, оно более походило на мешок, в котором я спотыкалась на каждом шагу. Голову и лицо спрятали, оставив одни глаза, дабы я не привлекла чужого внимания. Одежда вызывала дискомфорт, потливость из-за жары, я бы с тянула все эти тряпки с себя, но рядом со мной в стороне скачет на лошади тот, на кого без мурашек не помотришь.

Я пить хочу, спать и кушать. Изнуряющая жара отнимала все силы, кости ломило и тело стало непослушным. Подалась вперёд, опуская голову на гриву серой лошади, а из рук поводья сами соскользнули и пусть я упаду, может не соберу костей после, и тогда у Эмира пропадёт интерес ко мне.

Тот с синей куфией перехватил поводья и мы остановились.

– Рамиль, устанавливайте шатры. Переночуем здесь, а рано утром отправимся в путь, – я в полуобмороке слышала его голос.

Очнулась я уже в просторном шатре в углу на какой-то тряпке, похожей на матрац. Мне не жарко, наоборот холодно, я начитана про климат в пустыни, днем солнце палит, а ночами холодно. Услышав чьи-то шаги накрылась с головой, дабы стать незаметной. Меня словно пожирал чей-то взгляд,

нутром ощущала, как кто-то стоял надо мной и мысленно молилась, чтоб ушел.

– Встань, тебе поесть нужно, иначе не дотянешь до Каира, – я открыла глаза от манящего запаха жареного мяса и была права. Перед лицом стояла железная тарелка с кусочками мяса, фляга с водой и жареный хлеб, который мужчина положил в тарелку.

Я бы не раздумывая взяла её в руки и стала есть, но при других обстоятельствах. Сглотнула густую слюну и отвернулась от еды. Нет, этот Бахти не жалостливый, он для отца старается, поэтому игнорирую все, что он мне спокойно говорит:

– Будь покорной и делай, что тебе велят, иначе будет больно.

Больше не могла терпеть такой дикости и встав в рост, сняла с себя этот никчемный платок с головы, бросив его на пол, выплеснула:

– И пусть не дотяну до Каира! Это же хорошо! Я ненавижу этого старика, он такой же дикарь как и вы все! – толкнула его в грудь, но какой там, он даже с места не двинулся. Стена. У него лишь головной убор спустился на шею и я увидела его лицо полностью. Глаза его расширились в гневе и загорелись, как настоящий вулкан.

Резко схватил меня за волос сзади и я перед ним оказалась на цыпочках.

– Откуда, ты такая непокорная? Дерзкая, как необъезжен-

ная лошадь. Ну ничего, стало мне тебя придется воспитать, – больно дернул вниз к тарелке и взяв флягу в руки, насильно приставил к губам. Я захлебывалась, мои сопротивления он тут же подавлял.

– Отпусти меня, дикарь!

Удар наотмашь и грозный рык, словно сам хозяин всего Мира показывает гнев.

– Я заставлю тебя есть, – сдавил до хруста челюсть, вынуждая открыть рот, а после мне пришлось есть. Я давилась, обливалась слезами, проклиная в мыслях этого араба.

Всю ночь я не смыкала глаз. Все словно про меня забыли, оставив меня одну. Когда немного успокоилась, то решила переодеться в чистую одежду, похожую на белую ночнушку и убедившись, что никто не подглядывает, стянула платье с себя. Опустила глаза на грязные ноги, такое чувство, что землю ими рыла, но всего лишь ходила босая по песку. Принять бы ванную или душ, но мне приходится только мечтать о такой роскоши. Повернулась в угол, где лежала аккуратно сложенная чистая одежда, стала выворачивать быстро рукава и ощутив дыхание в затылок тут же обернулась, прикрыв голое тело тканью.

Он медленно обвел глазами мои ноги, поднимая их на грудь с какой-то животностью и похотью. От мысли, что увидел меня обнаженную сзади, а теперь частично и спереди видит в душе затаился страх и стыд. Весь жар прилил к щекам.

– Не смей смотреть! Отвернись! Уйди! – делаю осторож-

но шаг от него. Спотыкаюсь, теряя равновесие, но араб не дал упасть, придержал, схватив за плечо, а второй рукой за талию.

– Не надо, – испуганно отстранилась в угол, перешагивая препятствие.

Тяжело дышал, словно его перекрыло и тут без экстрасенсорных способностей видно, чего он захотел. Я всхлипнула, поджав губы и он тут же прищурил глаза с задумчивым взглядом и покинул шатер.

Что ещё мне придётся испытать? Я ничего не желаю. Я домой хочу к маме с папой. Должен же быть какой-то выход? Я на цыпочках подошла к выходу и там на удачу никто меня не стерег. Мне совсем не интересно, куда все ушли. Главное, что появился шанс сбежать. Страшно до дрожи во всем теле, колени тряслись, сердце выбивало трещетку, но если проскользнуть незаметно до ближайшей лошади, то считай половина препятствий пройдено.

За спиной треск костра навёл на обезумевшую мысль и она мне понравилась.

– "Я вам преподнесу такой подарок, что век не забудете!" – злорадно тихо усмехнулась.

Подожгла платок и бросила его на лежавшую шкуру, она тут же вспыхнула, а я прихватив флягу с водой вышла. Мигом побежала к лошади, которая стояла совсем рядом и сев верхом, рванула куда глядели глаза, лишь бы подальше от них. Да я поглядывала назад, шатер вспыхнул, как я и заду-

мала. Огонь и другие рядом стоящие шатры зацепил, теперь им будет чем заняться, а когда очередь до меня дойдёт, то я уже буду далеко. Гори оно все ярким пламенем! Никто за мной не гнался, если только облака дыма, которые распространялось по ветру.

Я не позволяла лошади останавливаться. Не знаю сколько часов я уже верхом, смотрела вперед и понимала, что ни конца пустыни нет, ни края. Истерика взяла верх надо мной и я остановилась, спустившись с лошади. Ни камней, ни травы, совсем ничего живого рядом.

Солнце показало рассвет, красивый до обворожения, но с каждым часом становилось жарче. Я достала флягу с водой, открыла крышку и уже предвкушаю её вкус, никогда не подумала бы, что вода настолько вкусной может быть. Лошадь нервно дернулась и фляга с водой выпала из рук.

– Нет! – вскрикнула я, только не поделаешь ничего, вода на глазах испарилась и даже следа от неё на песке не осталось. Фляга пуста.

Изнуряющее состояние лошади тоже было заметно и через час, она завалилась на бок. Из глаз выступили слёзы, я ненавидела себя, потому что на верную смерть повела животное. Папа всегда говорил, что лошади умные создания, они видят душу человека и его боль.

– Прости, – я гладила белогривую между ушей, а та высывая язык наружу тяжело дышала.

А потом я закричала так громко, что сорвала связки и от

последних криков, слышен был хрип. На руках появились волдыри, я заживо сгорала под палящим солнцем. Мне было больно прикасаться пальцами до лица, рук и ног.

Посмотрела вдаль, где стала подниматься пыль. Что это? А из стены пыли показались всадники на лошадях и тогда, я заметила его. Того самого шейха Бахти, а выдавало его синяя куфия, она одна у него такая, остальные в чёрном головном уборе. Они кричали, а лошади под ними ревели. Неподалеку от меня на холме его преданные рабы остановились, а он двигался ко мне. Я сделала два шага назад, откуда-то же силы взялись, просто стало так страшно, отчего казалось, я и побежать смогу, лишь бы не попасться в его лапы.

Слез с лошади и величественной походкой шел ко мне. Я стала отступать и развернувшись, хотела побежать, но и шагу не вступила, как раздался шум хлыста сзади, и режущий удар пронзил до крайней степени мук. Следом второй удар последовал, я в немом крике содрогалась, свернувшись калачиком.

– У нас женщин за побег – убивают, – сказал он, а у меня от боли и страха перед ним в душе похолодело.

– Больно. Не надо, – хриплю я, – Не мучайте, лучше сразу убейте.

Глава 12

Его глаза на солнце выдают цвет миндаля, они горят золотистыми радужками собирая в кольцо зрачок. В миндалевидных глазах таилось что-то необычное, загадочное и в высшей мере опасное. Василина разбиралась в людях, некоторых считывала по глазам, а вот шейх Бахти стал чем-то отвергающим, отпугивающим для девушки, как и все арабы. Она до встречи с Эмиром и плена, даже ни одной мысли не держала, что арабы могут быть настолько одичавшими, жестокими нелюдями. Молодой шейх заставил пожалеть о жизни, превратил в настоящую рабыню, у которой нет никакого права, как и не будет теперь шанса на побег. Второй раз в жизни кого-то так сильно стала бояться и ненавидеть всей душой, конечно же после правителя Эмиратов.

Бахти – имя нежное, доброе и совсем не подходило его хозяину, оно подобно маски, которую он снимал в порыве гнева.

Когда бежала, думалось свобода, как Милена когда-то освободилась, а после увидев его поняла, что не видать ей ни свободы ни спасения. Василина попала в настоящий Ад после ударов плетью, где из неё с корнем выдрали наивность и доверие.

Сейчас она без сознания лежит животом вниз на коне молодого шейха. По её окровавленным ранам бежит тонкой

стружкой кровь, капая на песок.

– Отправляемся в поселение, а оттуда на рассвете двинемся в Каир, – сел верхом на лошадь.

– Бахти, мы уже итак задержались, а твой отец заждался своего подарка, – недовольно высказался Рамиль.

– Мои подданные устали, – обвел глазами измученных и испачканных в саже мужчин.

Рамиль приблизившись к товарищу, тихо прошептал, не отводя глаз от Василины:

– Ранее, я что-то не замечал в тебе, такой щедрости к рабам, – поднял взор серых глаз на Бахти, – Или может дело в этой дерзкой девчонки?

Бахти подался вперёд, схватил Рамиля за глотку и сдержанно с холодом ответил:

– Кто ты такой? Кто дал тебе смелости так со мной разговаривать? Разве я не предупреждал, что не желаю слышать твое мнение?

– Бахти, ты, меня неправильно понял. Прости, – хрипит сдавленным голосом.

– Чтоб больше с такими разговорами не подходил, иначе я отрежу тебе язык.

– Я все понял, мой господин.

Бахти снял с себя синюю куфию и покрыл голову девушки. Проверил пульс на тонкой шее, слабый, может и не дотянуть до поселения.

– Пошел! Пошёл! – громко крикнул шейх, пришпорив ко-

ня.

По прибытию, шейха встретили с почитанием и всеми обычаями. Жарили мясо, играли у костра на барабанах, дудках, в рабыни танцевали для мужчин, двигая полуобнаженными ягодицами.

– Господин, поужинайте в кругу наших жителей, – обратился глава поселения к Бахти, – Не откажите своим рабам, – склонил голову мужчина.

Бахти направился к костру, а глава поселения шел сзади, показывая кулак женщинам, что стояли у своих шатров.

– Следите за языками и будьте покорны к нашему господину, – шипит еле слышно идя поспешно за шейхом Бахти.

Василину по приказу шейха, осматривала одна местная травница, она и яд с закрытыми глазами могла создать, и любое лекарства сделать. По разговорам сплетниц, она мёртвого могла поднять, занималась нечистой силой, за которую обязаны сжечь на костре, но мужчинам нет дела до женских интриг и им эта женщина ни раз спасала жизнь, поэтому ее никто не трогает.

Лекарша стояла над телом Василины и всматривалась в измождённое, обгоревшее на солнце тело девушки. Ни кто она, ни откуда приездом – лекарша не знала. Да и совсем не интересно, хотя догадывалась, что очередная шармута Каира. Задачу ей поставили – поднять на ноги за короткий срок, всего лишь пол дня и одна ночь.

Женщина сняла куфию с головы Василины и отстранилась

назад.

– Красивая, – проговорила про себя она, настороженно посмотрев по сторонам.

Лучшие лекарства применила для заживления порезов на спине, шрамов не должно остаться. Лекарша протерла мокрой тряпкой бледные губы девушки и сделала компресс на лоб.

– У нее сильный жар и надо бы сделать отвар, – объявляет лекарша, только что вошедшему Бахти.

– Так делай.

– Сделаю, вот только русская не приходит в себя, по-хорошему ей надо в город. Там..

Увидела, как он кувшин раздавил рукой, сразу же замолкла, виновато опустив глаза:

– Я потороплюсь, но ей компрессы надо делать, чтоб снять жар, иначе сгорит.

– Позови кого-нибудь, пусть займутся делом, – отдал приказ, а сам присел рядом с девушкой.

Женщина согласно кивнула, собрала разные баночки с лекарствами, тряпки свернула в рулетку и уходя все убрала в свою сумку.

– Господин, я должна предупредить вас, над русской летает тень смерти и её жизнь зависит от Аллаха.

– Какая наблюдательная, Агая.. А я вот вижу, как ты сейчас играешь со смертью, потому как, если девка умрет, то я тебя следом за ней отправлю, – снисходительно прозвучали

слова шейха и Агая поспешила уйти прочь.

Зачем беспокоится о ней? Наверное, потому что никогда не поднимал на девушек руку, сам не понимает откуда такая ярость проснулась в нем. Не хотел причинять боль русской, все что просил – это покорности и послушания, как и от других, которые встречались ранее на его пути, однако, так вышло, что девчонка оказалась самой настоящей чертовкой. Их девушки так себя не ведут, а пленные тем более. Разное повидал, но чтоб девушка не боялась самой смерти и дерзила глядя в его глаза – никогда.

И почему-то ему до безумия это нравилось в ней и в то же время пугало до желания ее разорвать, как тряпичную куклу. Понравилось, что глаза не опускает, когда по обычаям должна и обязана молчать, самое главное – что другая на её месте была бы рада отправиться в Каир к его отцу, а она лучше умрет, чем станет его очередной шармутой.

Сам не знает, почему берет в руки тряпку и опуская в воду, прикладывает к ее лбу.

– Умоляю, не надо.. – бредит тихо во сне, – Мама, папа.. Я не хочу в Каир, не отдавайте меня ему..

В шатер вошла одна из жен здешнего мужчины и он прогнал ее.

– Вышла.

Женщина же пришла по его приказу и недоумевая поспешила на выход. Теперь самому придется заняться девчонкой, пока не придёт Агая, так и сделал, пока от усталости его не

склонило в сон.

Открыл веки, он лежал на шкуре рядом с ней. Убрал тряпку от лба девушки и дотронулся до него ладонью.

"Жар спал" – подумал про себя.

Василина более-менее ожила, даже порозовела в лице, но губы все такие же бледные и сухие. Ему захотелось потрогать лоб своими губами, чтоб удостовериться, что жар спал. Наклонившись к спящему лицу, он коснулся нежно ко лбу Василины, будто бы поцеловал и все внутри у него оборвалось. Тут же подскочил, встав во весь рост, выпрямляясь в спине.

– "Что я делаю?" – прошипел он злясь на себя.

Выступил пот, внутри нарастало что-то разрушительное и разрушало оно лишь Бахти. Смотрит на нее спящую и глаз не может оторвать, хочет глядеть, но не может. И почему не знает. Впервые такое чувство и он боялся его, потому как не знал, отчего там в шароварах все затвердело и запульсировало до мышечных спазмов на икрах.

– Кому бы она не нужна была, вы теперь ее не отпустите, господин, – заметила Агая, сидя на песке и тихо перемешивала отвар.

Бахти понял, что она все это время была здесь, пока он спал и видела его запрещенный, опрометчивый поступок по отношению к отцу.

– То, что я увидела меня не касается, но вы не хуже меня знаете, что в Каире девчонку ждет смерть, – сплетни расходились быстро про русскую девушку, так Агая и узнала про

Василину, – Она там и дня не проживёт.

Баhti ничего не сказал, бросил задумчивый взгляд в сторону Василины и вышел из шатра. Ему нужно было решить проблему с желанием, кого-нибудь загнать в букву "г" и отр*хать до смерти. Если буря не стихнет, то он сделает непоправимое по отношению к Василине, только потому что захотел почувствовать какая она внутри, услышать, как кричит или стонет под ним. Пошлые мысли в голову приходили, они же и непозволительные для него из-за желания отца ею овладеть, но он прежде всего мужчина, а она очень красивая девушка и ко всему этому девственница.

Что-то ещё в ней таилось, она ему кого-то напоминала, когда разглядывал ее черты лица. Может виделись где? Не мог шейх вспомнить, позже ясность сама придёт, но для него лучше бы никогда не приходила. Девушка делает Баhti неузнаваемым и это стали замечать все и даже его отец, который заждался своего подарка.

Глава 13

Ужас реальности поглотил все мои эмоции и с каждой клеточкой своего тела я ощущала непоколебимый страх. Лежала на раскладной шкуре, от которой исходил тошнотворный запах, а во рту стоял смешанный привкус горечи и чего-то сладкого, но всё это лишь только побуждало освободить желудок.

– Давай до дна, – незнакомый голос полной женщины звучал сочувствующе и жалко.

– Нет, – сжала губы, стараясь отвернуться, однако незнакомка настаивала, утверждая, что её пойло облегчит боли и придаст сил на дальнейшую жизнь.

– Пей, не упрямясь. Потом, я принесу тебе поесть и до самого утра тебя никто не потревожит.

– А, что если мне не нужны силы? Что если я не хочу продолжения всего этого?

– Глупая, – поставила на песок кувшин, – Все девушки Мира хотели бы побывать на твоём месте, поэтому делай выводы.

– Вы, меня не сравнивайте. Меня без моего согласия привезли сюда. Силой, – глотаю воздух ртом и еле слышно веду диалог.

– Да, ты, особенная, с очень необычной красотой. Таких и правда ещё не встречала, только глупая ты, и совсем не

ценишь то, что имеешь в своих руках.

– Пожалуйста, оставьте меня, уйдите, – возопила я.

Зачем она мне всё это говорит? В этом совсем нет нужды. Я чужая и, как понимаю жизни здесь никакой, да и не нужна она мне в этом не цивилизованном Мире.

– Свою жизнь не ценишь, мою хоть не губи, потому что мне несдобровать, если ты до утра не встанешь на ноги. Меня убьют, – заявила серьёзным тоном.

– Я не могу это пить, – посмотрела на кувшин.

Ткань шатра распахнулась и весь вид на улицу заполнил он. Я тут же поджала колени к груди и накрылась какой-то синей тряпкой лежавшей у моего изголовья.

– Она выпила твой отвар? – снисходительно бросил на неё опасный взгляд.

– Девчонка только что пришла в себя, – быстро предстала перед ним и понуро опустила глаза.

Женщина могла бы признаться, но почему-то дала мне шанс и я не мешкая потянулась к кувшину, и испила жидкость через силу, преодолевая свои позывы к рвоте. Закашляла, прикрыв ладонью рот.

Он приблизился к моему лицу, а я тяжело задышала под его тяжёлым взглядом. Страшно на него смотреть и я закрыла глаза, приготовившись получать удары.

– Это моё, – спокойным голосом сказал, а я почувствовала, как стягивает с меня синюю тряпку, которая прикрывала мои обнаженные ноги.

Тут же открыла глаза, став натягивать на себя подол платья, который был разорван, но хотя бы на мне и мог хоть как-то прикрыть наготу от его пылающих золотистый глаз.

– Сейчас ты поешь, потом выспишься, а на утро отправишься в Каир. И не вздумай снова совершить какие-нибудь глупости, – приблизился так близко к лицу, что я ощущала его опасное дыхание, – иначе, я лично перережу тебе глотку, – зло произнёс он на выдохе.

О чём я думала не знаю, пусть и пожалею о содеянном, только назад не отступлю:

– Умоляю тебя, – схватила мужчину за запястье со слезами на глазах, – не отдавайте меня Эмиру, я не хочу в Каир. Он меня убьёт, потому что я ему отказала, – продолжения не последовало, он отдернул руки и сделал шаг назад.

Женщина выбежала из шатра не оборачиваясь.

– Молчать, – не знаю, как это у него получается, спокойным голосом заставляя людей трепетать перед ним.

Я попятилась назад прикрыв лицо, сама не знаю от чего. Шейх надевал синюю куфию и не моргая смотрел на меня, а, то есть на мои ноги. Улыбнулся и ему это шло, а у меня внутри черти играли на нервах. И я явно проигрывала ему, да, кто я перед ним. Правильно он сказал – я никто.

– Тебя насколько мне известно привезли сюда из-за долга перед моим отцом. А значит, всё вернёшь сполна, тем более, есть чем покрыть долги, – задумчиво скользнул по мне режущим взглядом.

Мне кусок лепешки в горло не лез, а особенно, когда он нахально сидит на соседней шкуре и стережет меня.

Я домой хочу, к маме с папой. Наверное, папу уже прооперировали и мама набирает мой номер со слезами на глазах и с тревогой на сердце. Тётя Милена скорее всего бегаёт уже по всем инстанциям и ищет меня на пару с Викой, и всеми нашими знакомыми. Господи, если ты есть – помоги. Ничего не прошу более, только пусть мамино и папино сердечко не болит. Представить трудно, что сейчас происходит с моими родными и то, что они испытывают. Я молюсь, лишь бы им никто не навредил, ведь по Милененым словам, арабы на всё горазды. Пусть меня скорее найдут, однако кто додумается искать в пустыни? Одни вопросы и ни одного ответа.

Я чувствовала, как опухли глаза от слез. Слышала свой тихий плач, который никак не трогал рядом находящегося шейха, словно вместо сердца у него кусок замерзшего льда.

– Отпустите меня домой. Я никому не расскажу, где я была и что увидела. Клянусь, я забуду про всё, – умоляющим голосом прошу, держа в руках кусок лепешки с жареным мясом.

– Где, ты, жила? Кто твои родители? – тяжело вздыхая, отставил кувшин в сторону, с которого доносился запах алкоголя.

– Я из России. Живу в большом селе под Москвой. Мои родители обычные люди, мама Барская Ольга, она домохозяйка, а папа Барский Сергей, он инструктор по верховой

езде на лошадях, только сейчас он в Израильской больнице, позвоночник сломал на скачках. Мои родители хорошие люди, они никому не причиняют зла, – рассказываю и хлюпаю носом, уставившись в одну точку песка.

– Сколько тебе лет? – он встал в рост, а я испугалась поднять глаза, потому что его тон голоса резко изменился. Мне не нравился, слишком мрачный.

– Двадцать лет, я родилась в день рождения Святой Девы Марии, 21 сентября.

Лучше бы я молчала, потому как шейха Бахти, почему-то мои слова так сильно разозлили его, что он схватил меня за шею сзади и приблизил к себе, посмотрев мне глубоко в глаза. Его грудная клетка лихорадочно вздымалась и опускалась, если ударит, то я не выдержу. Не ударил, обвел глазами меня снизу доверху и отбросил с такой силой, что я вскрикнула, отползая от него, как от самого дьявола.

Всю ночь меня и правда никто не беспокоил. Я одна ожидала вердикта, ведь поступок молодого шейха многообещающий, скорее всего меня утром отправят в Каир и там убьёт Эмир. А может мои молитвы услышал Бог и я спасусь. Легче всё равно не становилось.

За шатром продолжали жечь костёр и веселиться, у них праздник, и понятно в честь кого. Когда выглянула из-за шатра, то в кругу мужчин не обнаружила Шейха.

– Куда вылезла? Снова проблем хочешь нам создать? – выплонул грозно один араб, что стоял у шатра и я быстро

зашла внутрь, чтоб его не злить.

Меня клонило в сон, нет я не хотела спать, скорее от усталости закрывались веки, и я прилегла на шкуру. Стоило поудобнее расположиться, как услышала шум машин и уже стало не до отдыха.

– Бахти, сюда путь держит твой отец. Думаю, к утру можно его встречать.

Я не спускала глаз со входа, в ожидании и понимании, что время расплаты пришло.

– Не ожидал, значит не терпится ему, – говорил Бахти.

– Получается так, но ты бы не пил столько перед его приездом.

– Будет ему подарок.

Глава 14

Я как загнанный зверек в шатре не могла найти себе место. Безысходное отчаяние, безмолвная мольба и надежда на спасения сторала с каждой уходящей минутой. Я верю в милосердие Бога, ведь он до приезда сюда всегда помогал мне справляться с проблемами и давал сил.

Встала на колени и склонив голову, достала маленький серебряный крест. Я стала шепотом произносить молитву: "Святая Дева Мария, Господь наш всевидящий и все святые, а так же мой Ангел Хранитель, я молю вас, я прошу вас – помогите мне! Сжальтесь надо мной, не дайте погубить мою душу! Защитите от дьявола, от шайтана и всех злых людей! Я никогда не сомневалась в своей вере и, поэтому прошу покровительства с вашей стороны. Аминь!"

– Твоего Бога не существует, – за спиной раздался его раздраженный голос, – Есть только один – Аллах.

Я сняла крестик с шеи и крепко его сжала в кулаке, до боли в ладони, казалось он резал, внедряясь в мою плоть, и пусть больно, только я не предаю свою веру.

– Что тебе нужно? – повернула к нему голову, поднимая на шейха глаза, из которых слезы застилали пеленой образ мужчины.

– Всё, – кратко ответил, добавляя, – Мне нужно всё, что имеешь ты.

– Господин, вода для девчонки готова, – отчиталась, та полная женщина, чей отвар помог мне немного чувствовать себя лучше.

– Ты, сейчас хорошо вымоешься, тебе дадут чистую одежду, а после у меня будет к тебе хорошее предложение, которое в зависимости от твоего ответа, может радикально изменить твоё будущее.

Любопытство разыграло в крови, я выразила глубочайший интерес к его словам. Встав с колен, спросила торопливо на одном дыхании, ведь времени ждать нет, скоро должен приехать Эмир:

– Говори сейчас, что за предложение у тебя?

– Ты, пока не готова услышать его. Позже да, но не сейчас, – спокойно ответил и вышел из шатра.

Я хотела остановить его, но я больше не такая смелая перед ним. И пришлось замереть, сделав за ним пару шагов.

В шатёр занесли железную ванную, в которой вся поверхность воды была наполнена лепестками разных цветов. Приятный аромат витал в воздухе шатра и мне нестерпимо захотелось окунуться в воду всем телом, чтоб смыть с себя всю пыль и грязь.

– Обращайся ко мне – Агая, я помогу тебе привести себя в порядок, – женщина мило улыбнулась, а я отрицательно покачала головой.

– Спасибо, я сама справлюсь.

Я расплела косу, распутала запутавшиеся локоны, сняла

платье, а точнее то, что от него осталось и отбросила в сторону. Посмотрев по сторонам и убедившись, что никто не подсматривает, сняла нижнее белье.

Потрогала воду на ощупь, не горячая и засунула в ванную одну ногу, следом вторую, а после присела полностью. Окунулась с головой, задержав дыхание на пару секунд, а вынырнув полной грудью вздохнула. Возле ванной лежала, как я поняла вехотка из джута и взяв её в руки, намылила мылом. Прошлась ею по шеи, спускаясь к груди, по спине до куда могла достать и тут же выгнулась от боли. Раны ещё не зажили, они стали неприятно щипать и я бросила вехотку от злости на песок. Вот же дикарь! Всплакнула от собственного бессилия перед ним, да перед всеми. Не пойму я, как их женщины терпят все эти издевательства? Хотя, что тут думать, если они при встрече глаза прячут и боятся сделать лишний шаг, знают с кем связываются, да и в крови у них, наверное, терпеть. От обычаев и традиций своих не отступают.

Погрузилась в разные мысли, однако неизвестное предложение шейха стало главной мыслью. Что он мне может предложить? Свободу? Если так, то конечно же я согласна, к такому не нужно готовиться. Сказал, что хорошее предложение, только вот, как я увидела то, что для него "хорошо" у меня вызывает опасение и ужас. Стараюсь отбросить мысль и взять себя в руки, принимаясь привести волос в порядок. Когда намылила голову и стала водить пальцами по локонам, услышала чьи-то шаги и всё разом внутри рухнуло.

– Кто здесь? – стесняясь промолвила, прикрывая грудь руками.

– Не бойся, это я, – по голосу сразу узнала Агаю.

Ничего не сказав, продолжила быстро смывать с себя пену.

– Эти угощения от нашего господина Шейха Бахти, – положила тарелку с едой на песок и не смогла промолчать, добавила, – Твоё бархатное тело прекрасно. Полная грудь, округлые ягодички и идеально ровная осанка. Любого мужчину можешь покорить, а также свести с ума.

– Пожалуйста, уходите, – смущённо попросила я.

Мне неприятно, когда меня так разглядывают, я всегда стеснялась своих глаз, потому что они необычного цвета, но, а теперь и тела буду стесняться. Такие у меня комплексы по внешности и ничего я не могу с собой поделать.

Потянулась к сухой, чистой ткани и взяв её в руки, чтоб вытереться, встала в рост. Тень упала передо мной, нет не от меня, кто-то стоял за моей спиной и я тут же прикрыв обнажённое тело, обернулась.

– Выйди, – задыхаясь от смущения, сказала я.

Шейх Бахти пошатнулся скользя по моим обнажённым ногам и остановил взгляд на моей груди. Как я уже поняла, ткань просвечивается и он видит моё обнажённое тело полностью.

– Я с предложением, – его глаза вспыхнули и он приблизился ближе.

– Уйди отсюда! – мне так стыдно ещё никогда не было, я горела, щёки горели и тело покрылось мурашками.

Я не знала чем себя ещё можно прикрыть, глаза бегали из стороны в сторону, а он просто стоял и наблюдал. Не успела отойти и его длинные руки схватили меня, и силой прижали к его груди, одна легла на ягодицы, сжимая их крепко, а вторая на спину.

– Василина, покорись мне и я по твоей воле сделаю тебя своей женщиной, и только тогда мой отец от тебя откажется, – заявляет, тяжело дыша мне в лицо.

Кажется, я лишилась способности говорить. Я приоткрыла рот в немой панике, даже в глазах потемнело от понимания реальности. Сердце бешено билось, на мгновение показалось, что сейчас оно разорвёт мне грудь. Перестала ощущать землю под ногами, ноги стали ватные, словно я под действием, какого-то лекарства, которое блокирует все нервные окончания. Я ничего не ощущала, всё меркло, оставались лишь заметны его глаза и их глубина, которая топила меня до основания.

– Я не смогу! – стала задыхаться в истерике от осознания, что я только что подписала себе смертный приговор.

А, как я должна была поступить? Я отказываюсь от Каира, потому что Эмир доделает начатое и убьёт, так же теперь его сын захотел меня, а дальше свободы не будет. Пусть тогда лучше убьют, но я не под Эмира, ни под его сына не лягу!

– У тебя нет другого выбора.

– Смерть! – шиплю ему в лицо и отталкиваю от себя.

Он хмуро и многообещающе кивнул, сказав:

– Я так и думал, тогда умрёшь подо мной, – схватил меня за плечо и толкнул на шкуру.

Скривилась от резкого хруста и боли в плече, на которое я приземлилась. В слезах и в агонии отползла назад, превозмогая адскую распространяющуюся боль, теперь уже по всей руке.

Шейх уже развязывал свои шаровары, стоя по пояс обнаженный. Я не знаю, как мне себя защитить и я заплакала громко в голос, закричала, молясь, что он одумается. Сжигал медленно расстояние между нами, я старалась на него не смотреть, но он схватил своей пятерней меня за лицо и приказным тоном, заявил:

– Посмотри на меня, Василина.

Мне пришлось поднять глаза и я невольно увидела его мужское достоинство. Нет! Моё тело его не примет! Он меня всю разорвёт!

– Пожалуйста, не надо, – рву дистанцию одной рукой, ведь другой совсем не могу пошевелить.

Он повалил меня на спину, раздвигая своими коленями мои бедра в сторону и устраиваясь хозяином между моих ног, начал покрывать мою шею спокойными поцелуями. Громко вдыхал носом мой запах и шарился по мне руками, а когда я почувствовала его пальцы на своём клиторе, то вздрогнула и вся напряглась.

– Я не хочу, – закричала я и ударила по его спине кулаком.

Я не могла отползти и он знал о моей боли в руке, и плече, поэтому не применял силу, чтоб подавить во мне непокорность.

Молча, упорно гладил там пальцами и шарился, будто изучает моё тело, но, а после стал быстро водить вокруг клитора, отчего у меня там внутри стало сладко болеть. Я никогда ничего подобного не испытывала и от этого страх с непонятным ощущением только нарастал.

– Не надо. Не надо, – вся вспотевшая плачу, глотая соленые слезы.

Я не могла смотреть на весь этот кошмар и тихий ужас. Закрыла глаза, сама того не понимая, как приоткрыла рот, потому что там не больно, там всё кажется онемело и уже ничего не чувствуешь.

Целовал и покусывал мои соски, заставляя меня издавать стон боли.

Убрал руку от туда и растер непонятную жидкость по моему животу, улыбаясь довольно.

Я сжалась ещё сильнее, когда почувствовала его мужское достоинство, как он дотронулся до моей девственности.

– Больно, – простонала я, хотя не было больно, скорее отвратительно и очень страшно.

– Будет больно, если не расслабишься и добровольно ни пропустишь меня, – сейчас он злился, потому что глаза его потемнели, а к лицу пришла вся краска.

Я зажмурила глаза и покачала отрицая головой. Ненавижу! Не приму!

Резкий толчок и от нестерпимого жжения, словно в тебя нож вогнали, закричала со всей мочи, что были. Следующий толчок. В меня как будто забивали гвозди, совсем не обращая на мою реакцию внимания. И третий толчок, из-за которого что-то горячее стало разливаться внутри, наполняя всю меня.

Глава 15

– Всё. Тиши, тиши, моя девочка, моя женщина, – выдыхает мне в шею, двигаясь во мне медленно.

Я не такой свой первый раз представляла, мечтала с любимым и единственным, теперь всё это, как сломанная судьба, которую я не выбирала.

Проник мне в рот языком и от удовольствия застонал, выйдя из меня. Лёг рядом и закрыл глаза восстанавливая дыхание, а я скинула его руку со своего живота.

Я не могла свести ноги вместе, в промежности невыносимо горело от боли. Совсем не важно, как выгляжу, теперь меня ничего не интересовало, даже моя жизнь. Желая лишь одного, чтоб не видеть его, больше и, чтобы его руки никогда ко мне не прикасались.

– Я позову Агаю, она женщина и знает, что делать, – прошептал рядом, поцеловав меня в висок, а у меня слёзы покатались по лицу.

Время как будто остановилось, мне стало холодно лежать на грязной шкуре, полностью обнажённая и испачканная в собственной ярко-алой крови. В горле пересохло, а во рту до сих пор ощущался привкус его дикого желания, похоти и грязи, что мне никогда не смыть с себя.

– Аллах! Аллах! Что он сделал с тобой? – в шатёр вошла Агая, покачав головой, – Сейчас, сейчас, девочка, – она до-

стала из своей сумки, какие-то мази и поспешила меня ими натирать.

Не помню, как я отключилась, видимо закрыла глаза и погрузилась в сон от усталости, и боли во всём теле.

Меня разбудили громкие крики:

– Встречайте! Уважаемый, Ибн Башар приехал! Наш Эмир!

Я привстала от услышанного. Мне же не показалось – "Башар?".

На горизонте показался Эмир и Бахти, они как две капли воды похожи друг на друга, только Бахти выглядел моложе своего отца.

– Рад видеть тебя, сын мой, – они обнялись, – Где мой подарок?

– Отец, я испортил твой подарок, – стоит напротив, говоря серьёзным тоном Бахти.

Правитель быстро снял тёмные очки и скривился в лице, холодно произнося:

– Поговорим об этом в Каире. Собирайся и девку с собой возьми, – развернулся и куда-то ушёл.

Я тут же спросила у Агаи, она сидела рядом и перебирала, какие-то травы в пакете:

– Агая, у Башара есть ещё сыновья, кроме Бахти?

– Тихо, думай, что говоришь, а если кто-то услышит, – с опаской посмотрела на выход из шатра.

– Просто ответить, Бахти единственный сын или ещё есть

сыновья? – тихим голосом спрашиваю.

– Побойся Аллаха, девочка. Почему задаёшь такие вопросы? – удивлённо спросила, завязывая узел на ручке пакета.

– Есть или нет? – повторяю вопрос.

– Нет. Господин Бахти – единственный наследник Ибн Ба-шара.

Меня оглушил ответ женщины и до оцепенения поразил. Теперь уже я смотрела сквозь женщину, а она негодуя, с растерянностью разглядывала меня.

– Девочка, ты, чего это?

Как я сразу не узнала его? Это же Демид, мой друг детства и сын тёти Милены. Тот, кто дёргал меня за косички и дарил ручной работы браслеты, ради моего внимания и дружбы.

– Не пугай. Чего это, ты, так побледнела? Тебе плохо? – она продолжает что-то спрашивать, но я уже ничего не желаю слышать и слушать.

– Агая, как она? – его голос лезвием прошёлся по сердцу.

– Господин, я за всю жизнь не видела в глазах человека столько отчаяния и безысходности, сколько увидела в её глазах, – поникши, выпалила женщина.

Шейх провёл рукой по воздуху перед моим лицом и не получил никакой реакции. Из глаз выступили слёзы и медленно стали скатываться по моим щекам. Он сел впереди меня на корточки, протянул большой палец и нежно поймав слезу, стёр её с моего лица.

– Агая, – повернулся к ней, – сделай что-нибудь.

– К сожалению, это невозможно вылечить лекарствами, надо лишь ждать. Время – должно помочь! Человек живёт, дышит, через него проходят импульсы разных эмоций и всё это время! Оно заставляет нас переживать изо дня в день всё, то через что мы проходим. Я не Всемогущая, господин Бахти, я всего-то разбираюсь в травках, могу сделать мазь и не более. Сейчас я дам вам совет по опыту прожитых лет: не оставляйте девушку без должного внимания, побольше ярких и добрых моментов, и абсолютно никаких переживаний и стрессов. Видит Аллах, девочка не готова была увидеть и принять наш Мир!

– Агая, я понял.

– Не оставляйте её одну, сейчас вы для неё защитник и опора.

– Ты, же видишь, что не принимает меня.

– Господин, вы, меня, кажется не поняли. Вспомните, что я вам только, что сказала. Время... Но, а лучше отпустите девушку домой.

Бахти озлобившийся, прорычал, поднимая меня на руки:

– Никогда не отпущу.

Посадил в машину и я увидела в просторном салоне Башара, он сидел напротив и посмотрел на меня исподлобья с ненавистью, и отвращением.

– Сын, – обратился к Бахти, – она не может ехать с нами в машине.

Бахти хотел было что-то ответить, но Башар вздернул под-

бородок, давая понять, что ничего не желает слышать.

Окно машины приоткрылось:

– Рамиль, уберите грязь из моего автомобиля, – после перевёл разочарованный взгляд на сына, шёпотом сказав, чтоб никто не слышал, – она не ровня нам, чтоб оказывать ей такую честь.

– Я тебя услышал, – Бахти вышел из машины, – Рамиль, не смей, я сам. А, ты, садись к нашему господину, а я поеду с девчонкой в твоей машине.

Ибн Башар видимо не ожидал такого поступка от сына и изменился в лице до неузнаваемости. Окна тонированные и никто не увидел, как Башар схватил меня за шею и быстро прорычал в ярости:

– Шармута! Ты, у меня ещё пожалеешь обо всём! Мстишь мне так, хочешь, чтоб отец и сын стали врагами? Ничего у тебя не выйдет, сука! – хлестнул мне пощёчину и сделал отрешенное лицо, словно ничего и не было. Поэтому никто ни о чём не заподозрил, когда дверь машины открылась.

Шейх Бахти сидел рядом и не сводил с меня глаз, а я смотрела вдаль на дорогу, где стали появляться кустарники, валуны и маленькие ручейки, уходящие за горизонт. Огромное красное солнце уже садилось, наверное, я должна восхищаться пейзажем Эмиратов, но я ничего абсолютно не чувствовала. Меня совершенно ничего не радует, потому как меня сломали, отняли всё то, ради чего я жила. Свободу, маму, папу! Девственность, которую я хранила для другого,

для будущего мужа, кого встречу и всем сердцем полюблю.

– Пить хочешь? – протягивает флягу с водой, а я, по-прежнему, не даю реакции.

Да, глаза у него совершенно не изменились, такие же красивые, но перестали быть добрыми. Представить страшно, что пришлось ему пережить, после похищения, а может, наоборот, понравился этот Мир, как-никак он встретил родного отца.

Я не сомневаюсь, что Демид меня узнал, ведь я всё ему про себя рассказала. Одно в голове не укладывалось: За, что он так со мной?

– Не бойся меня. Я знаю, что у тебя там, – опускает глаза на мои руки, которые я прижала к низу живота, – до сих бо-лит. Пройдёт, все женщины через это проходят и ты прой-дёшь, а во второй раз уже будет не больно.

Я всё же посмотрела ему в глаза и тяжело дыша сказала с отвращением:

– Второго раза не будет!

– Ты, моя женщина и хочешь ты этого или нет, я буду тебя брать, когда пожелаю.

– Я не смогла сбежать от тебя в пустыни, но в Каире я смогу! – шиплю с уверенностью.

– Могу тебе дать один час на побег. Слово даю, преследо-вать не стану, ну, а когда пройдёт время... Я найду тебя, – оскалился, – рассказать, как я поступлю с тобой за твою са-моуверенность?

Я проглотила свои слова обратно и отрицательно качнула головой, всё ещё чувствуя боль от незаживших ран на спине.

– Вот и хорошо, надеюсь я больше не услышу о побеге с твоих уст, Василина. Как там у вас по-русски говорится: "Не помни прошлого и дыши настоящим!" Вроде бы так, – неуверенно произнёс.

У него горячая кровь, пусть и не чистокровный араб, поэтому у него нет акцента. Говорит на арабском, редко на русском языке, иногда мне кажется, что он половину русских слов забыл. Очевидно, ему просто не с кем было разговаривать на родном языке, от этого и забыл.

– Идиот! – протараторила я на русском.

– Что, ты, сказала? Я не понял, – негодуя, нахмурил брови, а мне немного легче стала. Хоть ни одному ему меня унижать.

Отвернулась к окну и закрыла глаза.

– Говори на арабском, иначе я буду принимать твои русские слова за оскорбления в мою сторону, – предупредил он.

Глава 16

Ибн Башар нервно ходил по кабинету своего дворца и ожидал главную новость.

Стук в дверь.

– Господин, – склонил голову, мужчина, – мы выполнили ваш приказ.

– Где он? С ним всё в порядке? – взволнованно спросил, подойдя к своему верному помощнику.

– Мальчика мы привезли во дворец, он закрыт в одних из покоев, – прижимает бинт к укусу на руке.

Ибн Башар с облегчением вздохнул, выпрямляясь в спине.

– Я доволен тобой, – похлопал мужчину по плечу, – обратись к нашим женщинам, они знают, как обеззаразить укус собаки.

– Спасибо, вам, мой господин, – приятно улыбнулся, признавшись. – Не собакин это укус, а того маленького дикареньша. Вцепился мне в руку, в тот момент, когда из машины во дворец его нёс, – поднял не понимающие глаза на господина, резюмируя. – Может поведаете, зачем вам сдался этот ребёнок?

Ибн Башар приблизился ближе к мужчине, которого считает своей правой рукой и серьёзно произнёс:

– Амар, этот мальчик – мой сын. В нём течёт моя кровь.,.

Амар тут же побледнел и присел на колени, извиняясь:

– Господин! Эмир, простите меня, я же не знал!

– Будешь знать! – властно заключил, – Кто будет спрашивать, откуда он и чей, отвечать будешь, что мой сын, а мать его умерла! И ничего больше, ты не знаешь! Понял меня?

– Понял.

– А сейчас веди меня к сыну.

В таких комфортных и богатых условиях десятилетий мальчик никогда не пребывал. Всё выглядело, как в сказке, гладкая, мягкая постель, красивая люстра из хрусталя, бархатные ковры и ещё много мебели, которую он впервые видел своими глазами. Дверь заперта снаружи, посадили и закрыли словно в клетке. Нет ему не страшно, но волнительно. Он уже понял, что в другой стране, чужой язык, который он совсем не понимал, как и не находил ответов, почему он здесь? Ни по своим годам мальчик сообразительный и очень смелый, и мысль о побеге пришла сразу, как вышел на балкон, и увидел цветущий сад, на котором цвели и благоухали розы.

Карниз с грохотом упал, а Демид поторопился связывать шторы, делая что-то вроде длинного каната. Обвязал тканью перила балкона, пару раз дёрнул на себя и убедившись в безопасности, стал медленно сползать вниз. Когда заметил, что кто-то тянет его самодельный канат вверх, он посмотрел вниз.

"Если прыгнуть, то костей точно не собрать" – подумал

он.

– А ты, храбрый львенок, – Ибн Башар взял под руки сына и поставил перед собой.

Мальчик отстраненно посмотрел на Башара и побежал к выходу, где ему перегородил путь Амар.

– Кто вы и зачем привезли меня сюда?! – крикнул детским голосом, который уже начинал ломаться, изменяясь на более мужественный бас.

Ибн Башар подошёл к мальчику и взъерошив его чёрный волос, нежно с отцовской любовью улыбнулся, а Демид, наоборот, скинул его руку, и отошёл.

– Отпустите меня, я хочу домой к маме.

– Тебе не нужна та грязная женщина. И, ты, уже дома, мой львенок, – жестом руки указал Амару на выход, чтоб остаться с сыном наедине.

На лице Демиды показалась одинокая грусть и в то же время обида за маму.

– Моя мама, не грязная женщина! – схватил в руки маленькую статуэтку, потому что видел в незнакомом мужчине для себя опасность.

– Хорошо, мальчик, – осторожно поднял руки вверх, – Тебе нечего бояться, я быстрее сам себе наврежу, чем заставлю тебя испытывать боль.

– Моё имя – Демид! И, вы, сейчас же, меня отвезете к моей маме!

– Демид? – скорчил недовольное лицо, выплюнув, – Ну

и имя же она тебе дала, грязная шармута! – прошипел Ибн Башар.

Мальчик бросился на мужчину, а тот увернулся, и львиной хваткой выхватив из рук нелепое оружие, прижал сына в свои объятия.

– Какой же, ты, маленький, ягнёнок мой. Сынок, – с любовью приговаривая, вдыхает запах родного сына.

Демид сопротивлялся, отталкивал от себя, бил кулаками по широкой спине Ибн Башара, но, что мог сделать маленький ребёнок взрослому и здоровому арабу? Ничего.

– Бей сынок, папа всё выдержит. Я всё тебе прощу.

– Лжёшь! Ты не мой отец!

Ибн Башар отстранился и посмотрев в глаза сына, ответил:

– Не знаю, что тебе наговорила эта женщина, но я твой отец! Я, Ибн Башар – Эмир этих земель и ты мой наследник!

Слишком маленький, чтоб разобраться с услышанным. Мама всегда помогала советами и ответы находила, как поступить в любых ситуациях, но сейчас её нет, и Демид, как мышонок не может найти правильный выход.

– Амар?! – позвал он помощника и тот войдя опустил глаза, – Посмотри на нас и ответь, похож сын на отца?

Можно не спрашивать, итак, невооруженным взглядом видно: две копии, как две капли воды похожи друг на друга.

– Очень.

Демиду выделили личные покои. Принесли еду.

– Я не буду кушать, – с заплаканными глазами ответил он, – Я к маме хочу.

На него никто из прислуг не обращал внимания, запирали в комнате, а у дверей ставили охрану. Гулять только с разрешения отца можно, а значит, всегда гулял, потому что Ибн Башар никаких запретов для сына не ставил. Эмир терпел постоянство сына: "К маме хочу", кажется, правитель перед сыном слаб, не мог быть с ним деспотом, эгоистом и тираном, для других да, но ни для единственного сына. И так, продолжалось, пока ребёнок в один из дней, через два месяца сильно не заболел.

– Что с моим львенком? – зарычал он на лучшего врача в Каире, – Отойди!

– Уважаемый, Ибн Башар, не переживайте, я его вылечу. Температура уже спала, я сам лично буду приезжать и осматривать его, а также ставить капельницы.

– Конечно будешь, ведь иначе, я вас всех раздавлю! – целует руки сына, когда мальчик открывает глаза, – Бахти, лев мой, что болит? Где болит? – напугано спрашивает он.

– Ничего не болит, – тихо шепчет, закрывая глаза.

– Бахти, говорить о боли, это не слабость. У меня душа болит за тебя и здесь, – прикладывает ладонь к груди.

– Не уходи..

Это были первые приятные обращения сына к отцу и, с тех пор слово "мама" редко проскальзывало в разговоре мальчика.

Многое изменилось с того времени. Имя Бахти наследнику нравилось, потому что его ему дал отец. Учили арабскому языку лучшие педагоги страны, а главным проверяющим был отец. Бахти обращался к отцу, говоря на русском, но Ибн Башар специально молчал, плавно побуждая и заставляя забывать русский, и переходить на родной ему язык.

– Пап, ты снова молчишь? Поговори со мной, а, то меня никто не понимает. От этого очень грустно и скучно.

Башар закрыл ноутбук и откинувшись на спинку кресла, ответил на арабском:

– Я всем запретил разговаривать с тобой на языке неверных. Хочешь поговорить, давай поговорим. Ты, почему на уроке учителя не слушаешь?

– Что снова пожаловалась? – мальчик уже неплохо знал и понимал арабский.

– Бахти, если так дальше пойдёт, то я лично займусь твоим не только обучением арабского, но и воспитанием. Ты, понял меня?

– Не сердись, я понял, – обнял отца сзади за шею и Бахти расставил в объятиях сына. Всегда мало ему перепадает таких моментов, но он довольствуется тем, что есть. Главное для Ибн Башара, что о матери молчит. У него получилось настроить сына против матери, маленькими и уверенными шагами к этому двигался. Наврал, что ездил к Милене и она отказалась от сына, сказав, что денег не хватает, да и не хватало никогда.

– Сынок, я сам не рад такому поступку. Как она могла? Она рада, что ты со мной и вернуть тебя не хочет. Сказала, что не прокормит тебя и не сможет воспитать. Нашла себе мужчину, говорит, что жизнь теперь у неё без тебя налаживается, – Шейх знал на что давить и бил точно в цель.

– Пап, не говори, я понял, – до слёз расстроился и обозлился на всех женщин. Так Ибн Башар внушил сыну за десять лет, что женщины нужны, чтоб их тр*хать, получая удовольствия и брать то, что они могут дать, а именно наследника.

Бахти считал так, пока не влюбился будучи уже взрослым. Мальчика обучили всему, что обязан уметь и знать будущий правитель Эмиратов. Все его воспоминания из детства, о жизни в России остались в забытом прошлом. Нет он не вспоминал о них, потому что остался осадок боли и тяжесть принятия того, что от него отказалась родная мать.

Ехал в машине и наблюдал за спящей Василиной. В голову ему не приходило, что может её встретить после стольких лет. Можно обмануть себя, однако память и сердце не обманешь. Единственной слабостью для Шейха стала Василина, девочка из прошлого. Его девочка, на которой он оставил свой след любви. Тянет к ней невидимыми нитями, хочет её до безумия, а она сопротивляется. Не знает, как подобрать нужный ключик к сердцу русской, такого с ним ещё не случилось. Она недоступная для него, пусть и сделал женщиной своей, всё равно не покоряется, как бы не старался Бахти.

Ошибку он совершил непоправимую перед отцом, взял то, к чему не позволительно прикасаться. Разочаровал Эмира и заметил в глазах отца лютый гнев, он обязательно почувствует его на себе, но не при народе.

– "И пусть ответчу, главное, чтоб её не трогал" – смотрит на Василину.

Открылись огромный железные ворота. Автомобиль Ибн Башара заехал первый, а за ним остановилась машина сына. Выйдя с машины, он сразу же величественной походкой направился во дворец, даже не обернувшись в сторону сына. Говорило это о многом.

– Приехали, – положил ладонь на плечо Василины, которую она тут же скинула, словно что-то мерзкое и отвратительное на неё сверху упало.

– Не трогай! – дерзнула и вышла из машины, посмотрев обреченными глазами на дворец. Шмыгнула носом, взявшись за переносицу, возопила, – Господи! Куда я попала?

Глава 17

– Какое-то время побудешь в моих покоях. Ни с кем не разговаривай, молчи.

– Я не твоя рабыня! Я свободный человек! – возразила Василина зайдя в спальню Бахти, – Ты не имеешь права меня держать в этой клетке!

– Твоя свобода закончилась с того дня, как ты перешла дорогу моему отцу и это, во-первых. Во-вторых, ты – моя женщина, а значит будешь покорной, – подошёл впритык к девушке, холодно спросив, – Поняла?

Под его давлением невозможно возражать и всё, что осталось без защитной, опустить глаза в пол, и от бессилия присесть на пол, пряча лицо в ладони.

Дверь закрыл на ключ.

Ибн Башар стоял на балконе и с каждой мыслью, и воспоминанием о русской всё сильнее сжимал холодное перила. Костяшки рук бледнели, лицо окаменело, а глаза искрились гневом. Он дико желал мести за непристойное поведение шармуты за то, что отказала ему в России, что руку подняла, оставив тонкий шрам на лице, а теперь ещё и сыну голову вскружила. Ответ родного сына оглушил, почувствовал удар ниже пояса, конечно же, виною всему русская, потому что помнит себя молодого и знает, насколько запретный плод сладок.

Бахти встал по левую сторону от отца и так же расположил руки на холодном железе. Смотрел вдаль сада распускающихся роз, раньше ничего подобного и красивого не замечал. В душе молодого парня, тоже что-то менялось и расцветало, и ему нравилось чувство нового состояния.

Ибн Башару не нужно, даже интересоваться настроением сына, спрашивая отчего он бодр и светится, всему виной русская пленница.

– Бахти, – повернул к сыну голову, – признаться я не ожидал от тебя такого поступка.

– Отец, я не знаю, как мог позволить себе совершить непоправимое.

– Не вини себя. Она красива, хитра и ещё коварна раз у неё получилось добраться до твоего сердца.

– В том то и дело, что вины своей я не чувствую, а её уж тем более, – отреагировал на мнение отца, – Василина непричастна к тому, что произошло, – безапелляционно отчеканил.

– Ты хочешь чтоб я закрыл глаза на это? – указал пальцем на свой шрам.

– В этом виноват ты сам, – равнодушно отметил.

– Что-о? – с открытым ртом, вытаращил глаза и вытянув физиономию, повторил вопрос Башар, – Кто виноват в поступке шармуты?

– Отец, как я понимаю, ты силой хотел взять девушку, поэтому чему удивляешься?

– Я, Эмир. Я – правитель и никто не смеет со мной так обходиться. Она должна была понести наказание от моих рук. А ты мало того, что не выполнил мою просьбу, так ещё и защищаешь девку. Так ты меня уважаешь?

– Я не смею спорить с тобой и уважаю твои решения, какими бы они не были. Но разве она не понесла наказание в том, что оказалась на наших землях?

– Нет! – разозлившись отрезал Ибн Башар, – Ты избавишься от этой девки!

– Позволь...

– Я сказал – избавишься и это не просто желание отца! Это приказ твоего Эмира!

Василина находилась в запертой комнате. Ходила туда-сюда, вспоминая разговор с Миленой. С каждым воспоминанием она решалась, набиралась смелости поговорить с Бахти о прошлом. Когда-то же это должно произойти, чего тянуть? Она не сомневалась, что шейх узнал её. Может разговор о прошлом растопит в его сердце лёд и он изменится?

Услышав щелчок замка Василина тут же вздрогнула и всё внимание направила на вошедшего Бахти.

Оценивающий взгляд с ног до головы:

– Тебе идёт белый цвет.

– А тебе не хватает духу признаться, что узнал меня, – объявила она, решительно приблизившись к мужчине, – Узнал подругу детства? – резко сказала, посмотрев на своего мучителя с обидой, презрением и пылающей злобой.

– Разумеется. И из-за этого сделал своей женщиной, – потянулся к её подбородку, но она быстро отстранилась, не дав к себе прикоснуться.

– Ты давно не Демид и пал в моих глазах. Столько боли мне ещё никто не причинял. Ожидать подобное можно было от твоего отца, я о нём узнала не по наслышке. Но от тебя никогда, как и представить, что когда-нибудь встречу лучшего друга, в прошлом доброго мальчика в обличье дьявола! – закричала она.

Поймал за тонкое горло и дернув к себе, прошипел:

– Демиду предали. Отныне есть Ибн Бахти и ты будешь обращаться ко мне так. Должна радоваться, что я вовремя подросел, иначе бы мой отец разорвал тебя и бросил сдыхать.

– Ты ничем не отличаешься от Башара, – хрипит, вцепившись ногтями в его руку.

– Всё могло бы быть лучше, по согласию, всего-то расслабиться и отдаться мне полностью, а ты стала бороться.

– Я задыхаюсь, – завопила, закатываю глаза и он отпустил.

Громко закашляла переводя дыхание и прижав руку к груди, попросила:

– Отпустите меня домой?

– Ни за что, даже не проси. Ты – моя.

Василина тихо прошептала на родном языке:

– Интересно в качестве кого я здесь?

– Что сказала? Повтори, – удержал за плечо.

– В твою озверевшую голову никогда не приходили мыс-

ли, почему твой отец знает хорошо русский язык, а ты нет? Когда должно быть, по-другому, – не дождавшись ответа, продолжила, – Не напрягайся, я отвечу. Бойтся, что будешь жить прошлым и захочешь уехать к матери на родину.

– Замолчи.

– Нет, дослушаешь. Башара можно поздравить, он хорошую копию себе подобного создал. И пока ты здесь во всю прислуживаешь Башару, твоя мать оплакивает тебя, считая мёртвым!

– Закрой свой рот! – впервые за много лет его вывели из себя. Шейха всего затрясло и он закричал не своим голосом. Схватил Василину за волосы сзади и, как тряпичную куклу хорошо потряс, – Я тебя заставлю замолчать! Больше никогда не произнесешь ни слова о прошлом, особенно о русских шармутах, которые продают родных детей!

– Больно..

По всему длинному коридору протащил Василину за волос, намотав его на кулак. Спустился вниз по лестницы, где стоял запах сырости и плесени.

– Это место научит тебя покорности! – толкнул дверь ногой и вошёл в тёмное помещение, бросив Василину на сено, – Ты отсюда выйдешь или послушной для меня, или мёртвой!

Железная дверь закрылась, спрятав за собой свет. Василина словно слепая, вертела головой и дышала с замиранием сердца. Холод, сырость, темнота разбудили в душе ураган паники и ужаса, в котором она пребывала. Услышав мыши-

ный писк, кинулась в сторону двери:

– Откройте, откройте!

Бахти тяжело дышал, идя по коридору, он не хотел так поступать с ней, но она не оставила другого выхода.

– Мой, господин, – сзади женский голос и нежные объятия за плечи.

– Зара, – повернулся к женщине.

– Я так тосковала по тебе. Неужели, вернулся. Мой муж, мой мужчина, – сплетая пальцы воедино, повела его в свою спальню.

Зара, единственная жена молодого наследника. Воспитанная, покорная мужу и ни в чём не отказывает ему. Брал её когда хотел и сейчас желает расслабиться, чтоб не думать о Василине. Хочет забыться, утонуть в развратном сексе, где никаких запретов и отказов нет.

Он сел на край кровати, а женщина включив музыку стала двигаться в такт мелодии, снимая с себя одежду.

Смотрит на неё и понять не может, чего ему недостаёт в жене? Красивая, сексуальная и в постели хороша, но теперь всё это стало таким ненужным, ведь есть русская девочка. Его девочка.

Зара двигала бёдрами, зазывая к себе, взять и не отпустить. Изгибалась змеёй, тёмные соски уже набухли, выдавая, как они хотят ласк.

С окончанием мелодии Зара упала на колени перед мужем, а подняв лицо, бросилась на губы Бахти за страстным

поцелуем.

Он женился на ней по приказу отца. В их мире важно, чего желает главный мужчина в семье, а сын должен уважать желание отца. Отказов нет. И Зара приехала принцессой во дворец Каира, невестой для будущего правителя. Она старшая дочь посла, эта свадьба укрепила дружеские отношения между их отцами.

– Дочка, я рад видеть тебя в прекрасном настроении. Ради Аллаха, сияешь, как это доброе утро. Может есть долгожданная новость? – сидит за столом, отделяя мясо от костей.

Зара посмотрела на мужа и положив свою ладонь на его руку, ответила в улыбке:

– Я ждала этого вопроса, отец. И да, есть! – воскликнула она, а Бахти тут же перевёл на неё недоумевающий взгляд. Скорее всего, не ожидал услышать, – Я жду ребёнка, – сжав губы, опустила глаза.

Бахти прочистил горло:

– К-хм. Ты, беременна? – растерянно переспросил.

– Лев мой, я тебя поздравляю! – встал из-за стола и принялся обнимать сына.

– Мне что-то не хорошо, – прикрыла ладонью рот и вышла из трапезной.

– Чего ты стоишь? Иди одаривай свою жену подарками, она это заслужила.

– Не надо мне напоминать.

– Бахти, всё нормально? Я давно тебя не видел таким рас-

сеянным и грустным. Мне больно на тебя смотреть.

– Не смотри, – подвигал плечами.

– Подожди, – остановил за локоть, – Ты такой из-за моего решения по участи русской?

– Я не хочу об этом говорить.

– Лев мой, мы вчера друг друга не поняли, я был зол, а сегодня я хорошо всё взвесил и решил.. Можешь оставить себе русскую для утех, я не буду возражать. Считай, это моим подарком тебе.

Бахти поднял вопросительный взгляд на отца.

– Ты мне дорог.

– Отец, я знаю. И спасибо, что понимаешь меня.

– Сын, в честь беременности Зары надо устроить праздничный вечер. Женщина достойна высших похвал, пусть ей отдадут признания, она это заслужила.

– В таком случае, пойду готовиться.

– А где русская? – спросил вслед сыну.

– Зачем она тебе?

– Подумал, что будет легче её контролировать и следить за ней, если она тоже будет на вечернем мероприятии.

– Не думай о русской, девушка никакой опасности не представляет.

Глава 18

Чем я отличаюсь от куклы? Есть душа и не более в этом Мире. Без его позволения, даже дышать спокойно не могу. Оказалось, он не такой уж и простой мужчина. Шейх, наследник этих земель. А кто я для него? Девочка из прошлого, у которой он отнял свободу, невинность, сломал характер и моё "я". Я попробовала напомнить Бахти о его матери, постаралась открыть ему глаза на правду о его новой жизни. И всё зря. Он меня ни то, что не слышит, Бахти как будто под сильным гипнозом, под влиянием Башара. Над ним отлично поработали за эти десять лет, раз он о родной матери говорит с ненавистью и почти забыл русский язык. Страшно представить, каково ему было здесь одному. А может я ошибаюсь и Бахти тут воспитывался в любви отца, только по такому зверю, как Башар не скажешь, что он умеет любить.

За дверью слышались мужские голоса, кто-то кричал душераздирающим воплем и я насторожившись прислушалась,

– Рамиль! Рамиль, не убивай! Я же не знал, что девочек везут для Эмира!

– Заткнись, тварь лживая! По твоему приказу наших людей перестреляли!

– Рамиль, пощади! Я клянусь, отдать Эмиру деньги за товар, только пощади! Да и как мне известно стало, одна девка

спаслась.

И я всё поняла. Там наказывают того, кто отдал приказ нас девушек перехватить в пустыне.

Дверь приоткрылась и я в агонии попятилась в тёмный угол, стараясь не попасться под гнев арабов.

– Тебе недолго осталось, скоро тобой займётся Ибн Бахти!

– Нет! Умоляю! Я хочу поговорить с Ибн Башаром! – дверь закрылась и я оказалась в темноте с мужчиной, который как я уже поняла не побоялся перейти дорогу самому Ибн Башару.

Во мраке повис запах крови, я забыла, как дышать. Раствориться готова, стать невидимкой, лишь бы меня не трогал. Шорох сена, я в оцепенении, стараюсь не двигаться, но почувствовав чьё-то касание моей руки, а после мышинный писк, рефлекторно дернулась, подав голос, тем самым я себя выдала.

– Интересно, кого это сюда упрятали?!

Я закричала о помощи, стараясь изо всех сил отталкивать от себя, толстого и вонючего мужика.

– Помогите! – там за дверьми не понять есть кто или нет, но я не переставала звать на помощь. Удивилась, когда имя его закричала с мурашками по спинным позвонкам.

– Бахти! Бахти!

Я беру эту "слабость" за инстинкт самосохранения, а не за согласие быть покорной, как верная собака своему хозяину. В оказавшейся ситуации меня здесь презирают и не думаю,

что мне найдётся здесь место, даже для того, чтобы выжить. Я чужая. И тем не менее, надо бы поверить, что Бахти единственный, пусть и ломает морально, и причиняет боль физически, но убивать не собирается. Иначе, что ему мешало отдать меня Башару или убить самому? Очевидно же, Бахти подобно льву, овладев однажды, будет желать повторения. Или он, как паук, опутал липкой паутиной свою добычу и, когда придёт время, то с большим желанием вывернет мне душу. Вопрос во времени, когда это произойдёт?

Пусть поверит, что я имею некие слабости перед ним, только для меня, наоборот – маневры хитрости совсем непредсказуемых для Шейха.

– Бахти! – хлестаю в темноте по лицу мужика, что засунул свои холодные руки мне под подол платья.

Смотря в глаза смерти, осознаю как же я люблю жить и причины сразу появляются, и все обрывки воспоминаний из жизни перед глазами пролетает. Цель одна: сбежать, как можно скорее домой.

Почувствовала безжалостные удары в живот и по лицу, а потом рот наполнился солоноватой жидкостью, в которой я захлебывалась. Виски сдавило с такой силой, что я закричала в немом крике. "За что?"

Если изнасилует, то я не буду жить и мучиться всю оставшуюся жизнь, мне хватило раза с Бахти, чтоб потерять мечты на будущее. Слышу, как злорадствует усмехаясь, словно последний раз перед смертью. Моё платье по швам рвёт, а

потом его шёпот:

– Сейчас.. Сейчас Фара будет иметь маленькую шлюшку!

Согнулась от болей в животе, ощущая свежий запах сена, вспомнила родной дом, как будто после вечерних прогулок решила спать на сене в любимом месте, на чердаке сарая. Это воспоминание, скорее всего будет последней радостью перед смертью.

Я стала погружаться в тошнотворную липкую тьму, перед тем как прозвучал громкий стук и дверь резко открылась, ударяясь со всего размаху о стену.

Я даже не дернулась, потому что всё внутри скрутило в узел от мучающих болей. Меня уже не интересовало, кто вошёл и, что сейчас будет происходить. Да я и не поняла толком, слышала лишь глухой взвизг, а после гробовая тишина.

Меня подняли с пола и несли на руках, крепко держа. До блеска вычищенные углы коридора, однообразные картины в размытом виде перед глазами и его запах цветочных ноток лаванды. Всё это гармонично придавало своему хозяину скрытый аккорд, подчеркивающий силу и отсутствие лишних эмоций.

– Потерпи, маленькая, – до боли знакомый голос звучал.

Опускалась, тонула во тьме.

– Не закрывай глаза. Василина..

Отчётливо мне в руку билось сердце шейха, я ощущала каждый его лихорадочный удар, пока невольно не соскользнула моя рука и её не стал трепать попутный ветер.

Яркий свет ворвался в темноту, а из той неизвестности показались силуэты родителей. Я находилась в чаще цветущего вереска, он своими мягкими бутонами гладил, обнимал. Сделала пару уверенных шагов к родителям:

– Мама, папа.

Они стояли на другом холме, приобнимая друг друга и жестом руки звали к себе.

– Василина, не уходи.

Как же я могу уйти? Теперь я никогда не буду с вами разлучаться. Что может быть счастливее, если не долгожданная встреча с вами?

Бежала босиком по мягкой траве и когда до них оставалось пару шагов, я расправила руки в стороны, чтоб обнять, и никогда не отпускать.

Иллюзия. Я прошла сквозь силуэты и упала на спину.

Реальность была более чем ужасной и слёзы начали жечь глаза, потому что я лежала на шерстяном одеяле, а возле меня по кругу стояли неизвестные мне женщины и Бахти.

Нежно гладил мою руку, мы встретились глазами и он произнёс:

– Всё позади, – я закрыла веки, – Я наказал его самой страшной смертью, теперь все будут знать, что к тебе нельзя прикасаться, как и нельзя на мою женщину смотреть.

Казалось, веки заплыли, скатываясь больно на глаза, губы опухли и я не могла ни слова произнести. Медленно потянулась к тумбе у изголовья, на которой стояло зеркало. Я хоте-

ла и в то же время боялась увидеть своё отражение.

– Не надо, маленькая. Не смотри.

Мои страхи за внешность подтвердились раз он так сказал.

Как ему так легко удаётся менять маски поведения, если только вчера ночью он с неумным желанием поднимал на меня руку? Он же меня отправил на верную смерть, даже если он и не предполагал, что я окажусь в лапах того уroda. Ему винить надо самого себя, а не искать в других виноватых, в своих же звериных выскочках. Не жду, что начнёт извиняться, да и не прощу я, но интересно, что он чувствует? Можно обмануть разум, тело, но сердце не обманешь и я отчётливо помню, насколько трепетно билось его сердце за меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.